

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

30 октября 2019 г.

№ 352

3 МИФЫ О СЕМЕЙНО-
БЫТОВОМ НАСИЛИИ
И РЕАЛИИ СЕГОДНЯ-
ШНЕГО ДНЯ

4 ИНОСТРАННЫЕ
ХОЗЯЕВА БОРЦОВ
ПРОТИВ СЕМЕЙНО-
БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

6 ЕСПЧ КАК ОРГАН
ФЕМИНИЗМА

7 ЕСПЧ НЕ ВПРАВЕ
УКАЗЫВАТЬ
РОССИИ ПУТИ
ИЗМЕНЕНИЯ ЕЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

8 КОНКУРЕНЦИЯ
НОРМ ПРАВА —
НЕ ЛУЧШИЙ
СПОСОБ БОРЬБЫ
С НАСИЛИЕМ

9 ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
НАСИЛИЕ КАК СПО-
СОБ ВТОРЖЕНИЯ
В СЕМЬЮ

11 НАПРАВЛЕНИЯ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
СЕМЕЙНОМУ
НАСИЛИЮ В РОССИИ

12 ЗАКОН О СЕМЕЙНО-
БЫТОВОМ НАСИЛИИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ
НЕМЕЦКОГО ОПЫТА

13 РИСКИ ЗАКОНОПРО-
ЕКТА И МЕЖДУНА-
РОДНЫЙ ОПЫТ

15 КРАТКИЙ АНАЛИЗ
ДАННЫХ ИЗ
ОТВЕТОВ ВЕДОМСТВ
РЕГИОНОВ НА
ВОПРОСЫ ПО СБН

16 КРИЗИС СЕМЬИ
И ПРОБЛЕМА
ВНУТРИСЕМЕЙНОГО
НАСИЛИЯ

Слава Великому Октябрю!

Величие Октябрьской революции, 102-ю годовщину которой мы отмечаем, состоит в следующем. Эта революция, открыв новую эру в истории человечества, оформила новую советскую государственность на месте рухнувшей Российской Империи, придала новый импульс развитию нашей страны и оказала этим решающее воздействие на судьбу гуманизма, который при ином развитии событий был бы пожран антиисторической тьмой еще в первой половине XX века.

Но помимо этих великих свершений имеет место и чудовищный сокрушительный результат, который нельзя не осмысливать сегодня в том единстве с величием, которое марксисты именуют диалектическим.

Как мы знаем, Маркс при жизни опубликовал только первый том «Капитала». А последующие тома суть почти произвольные реконструкции недооформленных мыслей Маркса, осуществленные сначала Энгельсом, а потом — Каутским. Мы знаем также, что последняя каутскианская реконструкция, она же — так называемый четвертый том «Капитала», была осуществлена в 1905 году, когда большевистская партия в России уже не только сформировалась, но и приняла активнейшее участие в первой русской революции.

Представим себе, что Гёте написал бы только первую часть «Фауста». И оставил после себя более или менее внятные обрывки второй части этого произведения. Представим далее, что кто-то захотел бы на основе этой первой части сложить полное представление о «фаустианстве» и создать партию или движение «фаустианцев».

Окончание
на стр. 2

Уильям Джеймс
Эйворд. Ил-
люстрация к
роману Джека
Лондона «Мор-
ской волк». 1904

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

НАША ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 1

(Кстати, представить себе что-то подобное нетрудно, потому что в XX веке активно говорили о фаустианском человечестве, придавая тем самым творчеству Гёте не только художественный, но и философско-политический смысл.) Было бы в этом случае созданное «фаустианство» отвечающим подлинному духу произведения Гёте? Конечно нет. Потому что главные мысли Гёте остались бы не вошедшими в идеологию такого «фаустианства». Но ведь это касается и марксизма, не так ли?

Почему же, несмотря на это, марксизм оказался посланием, на которое так страстно откликнулось всё человечество и прежде всего Россия?

С каждым годом становится всё яснее, что причина такого отклика в том, что сколь угодно незавершенное марксистское послание было тем не менее созвучным эпохе яростным отвержением той концепции буржуазного бытия, которая была изложена Джеком Лондоном в его романе «Морской волк».

Слова, вложенные Джеком Лондоном в уста главного героя этого романа, господин Ларсена, которого автор неслучайно именуется именно Волком Ларсеном, были не просто талантливым вымыслом крупного художника, страдавшего по несовершенству эпохи и человеческого удела. Они были своего рода «волчьим» — антимарксистским и антикоммунистическим — манифестом, в котором содержалось требование, адресуемое человечеству некими хозяевами жизни. Теми самыми, которых тот же Джек Лондон подробно описал в другом своем произведении «Железная пята».

Конкретный Волк Ларсен — это только один из представителей «волчьей стаи», который озвучивает такое послание всей стае в целом. А поскольку в условиях краха СССР и советского образа жизни, породившего крах целой исторической эпохи, смысл этой эпохи лучше всего раскрывается именно в словах ее яростного стратегического противника, то я позволю себе ознакомить читателя подробнее с этим «волчьим» антикоммунистическим манифестом.

Вот что говорит Волк Ларсен и его устами вся «волчья стая» по поводу смысла человеческой жизни:

«Я верю, что жизнь — нелепая суета... Она похожа на закваску, которая бродит минуты, часы, годы или столетия, но рано или поздно перестает бродить. Большие пожирают малых, чтобы поддержать свое брожение. Сильные пожирают слабых, чтобы сохранить свою силу. Кому везет, тот ест больше и бродит дольше других, — вот и всё!»

Показав своему оппоненту на матросов, осуществляющих работу на палубе его корабля, Волк Ларсен далее говорит по их поводу:

«Они копошатся, движутся, но ведь и медузы движутся. Двигаются для того, чтобы есть, и едят для того, чтобы продолжать двигаться. Вот и вся штука! Они живут для своего брюха, а брюхо поддерживает в них жизнь. Это замкнутый круг; двигаться по нему, никуда не придешь. Так с ними и происходит. Рано или поздно движение прекращается. Они больше не копошатся. Они мертвы!»

Оппонент Ларсена настаивает на том, что у каждого из этих людей есть светлые лучезарные мечты. Ларсен говорит оппоненту, что это мечты о жратве. А когда оппонент говорит, что это еще и мечты о большем, Ларсен отвечает:

«И еще о жратве. О большой удаче — как бы побольше и послаще пожрать... Будьте уверены, они мечтают об удачных плаваниях, которые дадут им больше денег; о том, чтобы стать капитанами кораблей или найти клад, — короче говоря, о том, чтобы устроиться получше и иметь возможность высасывать

соки из своих ближних, о том, чтобы самим всю ночь спать под крышей и хорошо питаться, а всю грязную работу переложить на других. И мы с вами такие же!»

Поскольку оппонент Ларсена принадлежит к «сливкам» тогдашнего американского буржуазного общества, то Ларсен дополняет свои представления о закваске некоей как бы социальной критикой в квазимарксистском духе. Ларсен говорит оппоненту:

«Вы никогда ничего не делали в поте лица своего. Вы живете с доходов, оставленных вам отцом. Вы, как птица фрегат, бросаетесь с высоты на бакланов и похищаете у них пойманную ими рыбешку. Вы «одно целое с кучкой людей, создавших то, что они называют государством», и властвующих над всеми остальными людьми и пожирающих пищу, которую те добывают и сами не прочь бы съесть. Вы носите теплую одежду, а те, кто сделал эту одежду, дрожат от холода в лохмотьях и еще должны вымалывать у вас работу — у вас или у вашего поверенного или управляющего, — словом, у тех, кто распоряжается вашими деньгами».

Оппонент Ларсена пытается указать ему на то, что социальная критика в марксистском духе адресована определенному устройству жизни, придающему жизни скверный характер, и что при другом устройстве жизнь может иметь другой характер, не быть столь «свинской» по определению Ларсена. Но Ларсен тут же раскрывается до конца. Он говорит оппоненту: «Это свинство и это... жизнь».

То есть Ларсен и те, чью позицию он излагает, ставят знак равенства между социальным, классовым в терминологии Маркса свинством — и жизнью как таковой. Так вот, именно такому знаку равенства Маркс и сказал «нет». И именно это «нет» было услышано во всем мире и прежде всего в России. Именно на основе этого «нет», сказанного такому свинству, был построен СССР и советский образ жизни. И именно это свинство, укорененное в человеческой природе наряду со всем остальным, разрушило СССР. И если в эпоху Маркса такое свинство удовлетворялось изыманием у человека так называемой прибавочной стоимости, то теперь оно хочет изъять у человека всю человечность. И именно в этом смысле разрушения всех традиционных ценностей, семейных в первую очередь.

Свинство теперь желает укорениться в каждой клеточке человеческого бытия, в каждой мысли, в каждом импульсе, в каждом мечтании. Оно хочет стать тотальным. А значит, уничтожить человека вообще.

Готовы ли мы сегодня к тому, чтобы лицемеря победу такого свинства, сказать ему «нет» и сокрушить его так, как сокрушили его в эпоху Великой Октябрьской социалистической революции? Величие которой было именно в сокрушении тогдашнего свинства, пожиравшего человека тогда лишь частично и готового теперь пожрать его полностью? Скажем ли мы «нет» этому новому свинству, убедившись в том, что оно способно сокрушить советскую благодать в силу ее неокончателности, а значит, ущербности? Вот нынешний ключевой вопрос.

Слава Великой Октябрьской революции, сокрушившей тогдашнее свинство!

Слава всему, что захотело и захочет сказать «нет» новому, еще более страшному тотальному свинству, и, сказавши «нет», захочет оформить это «нет» на языке мысли и воли!

До встречи в СССР!

Сергей Кургиян

В этом номере мы публикуем некоторые из докладов, прозвучавших 30 октября 2019 года на общественных слушаниях «Проблемы насилия в семье в свете общественной безопасности».

На Слушания собрались представители федеральных ведомств (МИД, МВД, Росстата), уполномоченные по правам человека и по правам ребенка, ученые в области права, политики, философии; педагоги, психологи, социологи, соц. работники, судьи и адвокаты. Общественные организации были представлены с разных полюсов полемики — от феминистских до родительских.

Сама тема семейного насилия уже, казалось, отшумела в феврале 2017-го, когда были исправлены последствия прошедшей семью месяцами ранее декриминализации побоев, обернувшейся, наоборот, резкой криминализацией побоев для членов семьи.

Тогда, в 2016-м, это стало результатом аппаратного блицкрига сил, которые добились принятия Россией известного уже более четверти века комплекса мер против «семейно-бытового» (или «домашнего») насилия.

Этот комплекс удобно называть «стамбульскими» мерами, так как они были оформлены в 2011 году в виде Стамбульской конвенции (*Конвенция, не подписанная РФ. — Ред.*). Он включает в себя, в частности: введение в законодательство понятия «домашнее насилие», собирающего в один термин разные виды поведения в семье для их криминализации; допущение запретов на определенные действия без разбирательства и даже без согласия защищаемого, по инициативе чужих лиц (охранные ордера).

Обострение темы в 2019 году связывается, в том числе представителями власти, с июльским постановлением ЕСПЧ, принявшим в России дискриминацию женщин в связи с насилием против женщин. Это породило особенность новой кампании — она была поддержана с верхнего этажа верхней палаты. В.И. Матвиенко, правда, поручила лишь разобраться в проблеме, но созданная в Совете Федерации рабочая группа не стала местом для дискуссии и сразу поставила себе задачу не обсуждать необходимость стамбульских мер, а сочинять законопроект, которым они вводятся.

Публичная кампания за принятие в России их законопроекта строилась в агрессивной-рекламном ключе, обращалась исключительно к эмоциям напуганных людей, не читавших законопроект. Ее пропагандисты избегают прямой полемики и даже демонстративно неприлично отказываются показывать публике свой законопроект, чтобы его было невозможно обсуждать, как будто всё еще рассчитывают на повторение блицкрига 2016-го за спиной у народа. Уловка, конечно, детская — и дело не в том, что все всё знают, а в том, что обсуждать конкретный законопроект, то есть детали формулировок, не имеет смысла, пока не достигнуто согласие о принципах. А стамбульские принципы, как и их воплощение в законопроекте трехлетней давности, хорошо известны.

С другой стороны, чем дольше эта кампания строится на одних эмоциях, тем больше у общества вопросов, в которых

и постарались разобраться слушания. Тема слушаний, сформулированная комиссией Общественной палаты по безопасности и взаимодействию с ОНК (слушания вел 1-й зам. ее председателя В.И. Винницкий), обращала их участников к ценности «общественной безопасности», к которой, хотя и в разных ее аспектах, апеллируют обе стороны полемики о стамбульских мерах. Этим создавалась возможность для многостороннего обсуждения как различных сторон самой проблемы, так и аргументов сторон, выяснения первоисточников недопониманий. Комиссия пригласила всех виднейших пропагандистов стамбульских мер, но предусмотрела и вариант их отсутствия, дав возможность собравшимся сначала услышать публичную позицию Алены Поповой в видеозаписи. Ведущий тщательно следил, чтобы говорили обе стороны, так что когда неожиданно для собравшихся оказалось, что никто из записавшихся уже не хочет высказаться в поддержку законопроекта, дал время для развернутого выступления поднявшей руку представительнице центра «Сёстры».

Участники слушаний обогатили друга знаниями о разных сторонах проблемы. Заслушаны обзоры: полученных от регионов сведений о реальной динамике преступности и практике работы системы профилактики (А. Кульчицкая); о мерах, уже имеющихся в законодательстве для профилактики и пресечения насилия (Л. Виноградова). Прозвучали разбор статистических аргументов и рассказы о состоянии статистики (М. Сабельникова). Обсуждены вопросы совместности стамбульских мер с принципами права (Якушев, Тимошина). В частности, показаны принципиальные сложности введения понятия «психологическое насилие» в правовое пространство (Ж. Тачамедова).

С разных сторон освещены международные аспекты — это и глобальные стратегии феминизма (В. Павленко); и обсуждение вопросов истории и финансирования женских организаций в России (М. Карев); и международно-правовые позиции России по отношению к традиционным ценностям и к международным органам (А. Коваленин, К. Чепрасов, С. Чумарев); и богатый опыт применения стамбульских мер за рубежом (М. Жиленков, А. Швабауэр).

Со вниманием были выслушаны практики, работающие с кризисным сопровождением жертв насилия (Н. Завьялова). Обсуждены актуальное состояние и нужды системы профилактики в связи с причинами правонарушений (А. Тропина, А. Карев).

Важный вопрос о влиянии на общество самого обсуждения изменений общества подняла председатель общественной организации защиты семьи «Родительское Всероссийское Сопротивление» (РВС) М. Мамяков. О влиянии стамбульских мер на демографические процессы высказался проф. А. Синельников. Заслушана также позиция представителя Русской Православной Церкви.

НАША ВОЙНА

Мы столкнулись с тем, что для проведения антисемейной политики лоббисты СБН совершенно беззащитно используют ложь о семье как якобы особо опасном для человека месте

Мифы о семейно-бытовом насилии и реалии сегодняшнего дня

Мы обсуждаем не просто проект федерального закона «Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации», который усиленно и не первый год пытаются протолкнуть в наше законодательство. Мы рассматриваем с разных сторон и саму западную концепцию профилактики СБН, и текст последней редакции законопроекта, а также смысл всего этого в контексте глобализации. Мы видим, как подобные законы уже действуют в других странах и, честно сказать, не приходим в восторг. Но я хотела бы сказать об одной пугающей вещи, которая уже произошла, хотя законопроект еще не принят и, как я надеюсь, не будет принят. Это то разрушение, которое приносит в нашу жизнь каждый день обсуждения так называемого «семейно-бытового насилия» (теперь названного «домашним»), но я буду пользоваться устоявшимся названием — СБН). Результаты пиар-кампании, агрессивно проводимой лоббистами закона, нарастают лавинообразно и, как бы они ни пытались теперь, оправдываясь, говорить о «любви к семье» — совершенно очевидно, что в общество запущен мощный заряд взаимной вражды и ненависти.

«Родительское Всероссийское Сопротивление» как организация защиты семьи давно противостоит намерению ввести в России этот калькированный с западного закон о СБН. И не потому, что мы за насилие, как кому-то хочется представить, а потому что закон плох и, как показал опыт других стран, приведет к стремительной деградации института семьи.

Еще в пору противодействия «закону о шлепках» мы столкнулись с тем, что для проведения антисемейной политики лоббисты СБН совершенно беззащитно используют ложь о семье как якобы особо опасном для человека месте. Внушить это людям можно только с помощью манипуляций. И мы наблюдали, как действуют лоббисты, раскачивая в обществе истерию.

Тогда, при обсуждении перевода в КоАП ст. 116 в нашалось и своему обществу, и Западу, будто Дума «разрешила» истязать и чуть ли не убивать членов семьи. Хотя речь-то шла о переводе в КоАП одной 116 статьи (причинение боли без вреда здоровью), да и то по первому прецеденту. Вряд ли лоббисты законопроекта, среди которых и люди с юридическим образованием, не были в курсе того, что все статьи о насилии, причиняющем вред здоровью или приводящем к смерти, и даже только об угрозах жизни, здоровью, половой неприкосновенности, остались в УК. Но им надо было ужаснуть общество, раскатать массовую истерику и, используя эмоции как дымовую завесу, протолкнуть то, что по здравом размышлении никто бы не принял. В ход шли примеры, не имеющие ничего общего со ст. 116. Любимым примером якобы следствия перевода ст. 116 в КоАП стал явно психиатрический случай с отрубленными руками. Тогда как эта история — следствие развала у нас психиатрической службы, и ничего другого.

Когда у борцов за некий закон всё держится на фейках, обмане и завышении статистики в сотни раз — очевидно, что

Сведения о преступлениях, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи, а также количестве потерпевших по преступлениям в данной категории по РФ за 2016–2018 гг. (по данным МВД России)

	Кол-во преступлений, сопряженных с насильственными действиями	из них		Количество потерпевших по преступлениям, сопряженным с насильственными действиями*	в том числе		
		по которым имеются потерпевшие	в т. ч. в отношении		женщин	несовершеннолетних	
2016 год							
в отношении члена семьи	64451	64421	49415	11920	65543	49765	12268
из них: супруга	29471	29465	27090	163	29788	27256	164
сына, дочери	11758	11756	5995	8194	12314	6419	8469
2017 год							
в отношении члена семьи	34029	34007	24981	4425	36037	25667	7184
из них: супруга	15925	15916	13637	42	15504	13360	28
сына, дочери	5007	5006	2560	2676	8020	3911	5681
2018 год							
в отношении члена семьи	33417	33378	24478	5070	33235	23518	5917
из них: супруга	15871	15859	13442	68	14722	12516	42
сына, дочери	5688	5675	2972	3328	7142	3584	4630

* Показатель формируется на стадии возбуждения уголовного дела

делается это не от хорошей жизни. Что у них иначе как через обман, «не вытанцовывается». Что общество надо накормить некой мифологией о страшных традициях, будто бы процветающих в большинстве российских семей. Что вместо реальных причин, например, алкоголизма (имеющего социально-экономическое происхождение), надо припомнить некий «домострой», неактуальный эталон уж лет 100.

Конечно, это очень удобно! Вместо оздоровления социальной и культурной реальности — открытия рабочих мест, восстановления системы вытрезвителей и ЛТП, прекращения пропаганды насилия через ТВ и интернет — разглагольствовать об «ужасных русских традициях». А безработных пьяных дебоширов отправлять на курсы — вы только вслушайтесь! — на «курсы управления гневом» так даже и выгодно. Только выгодно это лишь для фирм «Рога и копыта» — простите, замечательных НКО — которые будут распиливать бюджет, для остальных же это очевидное издевательство над здравым смыслом.

Следующее наступление лоббистов СБН было через год после «декриминализации», в 2017 г. — нас тогда пытались уверить, будто рост жалоб на побои свидетельствует о росте насилия, а не о выводе его из «серой» зоны. И я подчеркиваю, что хотя здесь, в Общественной палате мы разобрались, о чем говорят выросшие цифры, этого предпочли не заметить и продолжили манипуляции, опять в ход пустив «отрубленные руки»!

И вот пришло лето 2019 года с известными событиями, и мы стали свиде-

телями особо безудержной антисемейной кампании. Цифры слышим совсем уже фантастические. А цель тех, кто ведет пиар-кампанию, обозначилась, как никогда четко. Цель — это война полов. Война между женщинами и мужчинами. Именно она способна в короткий срок разрушить институт семьи как таковой. Мы давно понимали, что к этому ведут, но вот теперь увидели воочию плоды феминистской пропаганды.

Полюбопытствуйте, посмотрите комментарии под роликами на тему СБН, это очень познавательно! Война уже кипит. Сначала ленты наводнили антимужские высказывания юных феминисток — это был результат флешмоба #янехотелаумирать. Коллективный портрет «борцуньи с насилием» впечатляет. Они агрессивны, уверены, что семья это сплошной ужас, что все мужчины «абызюеры», они одинаково, как под кальку, ненавидят и презирают мужчин, высказываются на вульгарном, преимущественно ненормативном языке — и в адрес мужчин, и в адрес взрослых женщин, пытающихся объяснить им, что семья это не ужас-ужас. Они полны решимости диктовать семейным людям, как им жить. Сами, конечно, заводят семьи не собираются.

Поначалу мужская часть интернета смотрела на эти феминистские «декларации о намерениях» несколько растерянно, пытаясь урезонивать разошедшихся девушек. Но спустя очень короткое время — и переломным здесь было обсуждение СБН в Госдуме 21 октября — пошли совсем иные настроения и высказывания.

Основной их тон теперь: «Жениться — да никогда! Всё мы про них поняли, не только жениться, вообще никаких устойчивых отношений! Дети? Да мы не сумасшедшие! Это шкуры, они хотят, чтоб мы на них вкалывали, а потом все забрать и к другому свалить. Защищать такую страну — не будем! Теперь если на улице увижу, что женщину убивают — только порадуюсь: одной шкурой меньше!» Такими вот «замечательными» настроениями взорвался интернет. А ведь это еще не вечер! И это, давайте уж признаем — результат бурной пиар-деятельности Поповой и компании.

Далее. Вот в последнее воскресенье в новостях сообщения сразу о нескольких ужасных убийствах. Двенадцатилетний сын распотрошил мать ножницами, другой, постарше, с диагнозом — зарезал обоих родителей, третья выколола глаза ребенку из ревности к мужу. Интересно, устроительницы кампании «Я/мы сестры Хачатурян» понимают, что это ОНИ выпустили джина из бутылки? Что ОНИ сняли табу? Что сумасшедшая, способная выколоть глаза ребенку, вполне может считать, что ее защитят и восславят так же, как сестер Хачатурян — а почему нет? Ведь муж изменил, и она это — в ответ! Она же женщина, жертва по определению, ей позволено! Наши якобы борцы с семейным насилием понимают ли, что они, наращивая пиар, фактически освятили внутрисемейную войну, причем именно в таких формах: «Мы все — сестры Хачатурян!»? Или они и тут будут лепетать что-то про декриминализацию ст. 116?

НАША ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 3

Но оставим это. Вернемся к цифрам и фактам.

Алена Попова заявляет: «16 миллионов 450 тысяч жертв насилия в год. Это данные Росстата. МВД нам говорит, что 40% тяжких насильственных преступлений совершаются внутри семьи. Надо понимать эту кошмарную цифру». Вот мы очень хотели увидеть эту и другие кошмарные цифры, мы специально сделали официальный запрос в Росстат. Там, естественно, ответили, что все цифры только из ГИАЦ МВД, и опросов они сами тоже не проводят. Так откуда «миллионы»?

Газета «Известия» публикует ее, Поповой, объяснение цифры 16 млн 450 тыс. Читаем. Оказывается, что это в 2011 г. два ведомства по заказу Фонда народонаселения ООН проводили опрос, в котором наряду с вопросами о физическом и сексуальном насилии были вопросы о насилии вербальном и психологическом. И всё это — и реальное насилие, и если вас в сердцах обзвали — Попова почему-то суммирует и получает, что в РФ каждая четвертая женщина подвергается насилию! Так она пытается оправдаться за давно запущенную ею цифру — 16 млн подвергающихся насилию женщин.

Но на самом деле она и тут искажает данные — в этом исследовании цифры больше, и если их честно складывать, то получится даже не каждая четвертая, а две трети. Но «сообщить» такое Попова не рискует, т.к. тут морок пройдет и кто-нибудь скажет: «Что еще за ерунда!» Смысл же в том, что эти цифры просто нельзя складывать. Ну и сущая «мелочь» — в отчете оговаривается, что за последний (тогда 2011-й) год уже цифры меньше, чем за предыдущий, у Поповой же цифры эти смело перенесены аж в год 2019-й.

И этот бред печатает серьезная газета!

Но давайте всё же глянем на таблицу, предоставленную Росстатом (напомню в очередной раз, что к преступлениям, сопряженным с насилием, относятся не только избиения и убийства, но и, например, грабежи).

Что мы видим? Мы видим, глядя на предпоследний столбец, **снижение** цифры насилия в семье — и общей, и по отношению к женщинам. А нам вещают, будто идет рост! Ну и как это называется? **Это называется наглым, злокозненным введением в заблуждение общества, страны, причем с высокими трибун, и тиражируется эта ложь о якобы захлестнувшей нас «эпидемии насилия» буквально всеми СМИ! Это пора остановить, о чем мы все время говорим.**

Мы всегда стремимся противопоставить истерике здравый смысл и спокойный разбор ситуации и потому решили связаться с регионами. Получить их видеонные происходящего, их предложения, и их региональную статистику. Мы разослали свой юридический анализ предлагаемого законопроекта о СБН и задали вопросы органам региональной законодательной власти, уполномоченным по правам человека и ребенка, общественным палатам, губернаторам и региональным МВД. Получили и продолжаем получать ответы. Это очень интересный обширный материал, говорящий о том, что на местах сидят совсем не безразличные люди, и они реально работают, за что мы им очень признательны. Анализ уже полученного массива данных нами сделан. Он даст возможность обсуждать, что же все-таки делать с тем реальным, а не выдуманным насилием, и обсуждать это не на языке ненависти и фейков. Надеюсь, наше общество сумеет выбраться из той нравственной и культурной ямы, куда его упорно запикивают.

Мария Мамиконян

США никогда не скрывали, что NED создан для того, чтобы легально делать то, чем ранее занималось ЦРУ, поскольку связь с американскими разведслужбами дискредитировала борцов за демократию

Иностранцы хозяева борцов против семейно-бытового насилия

Прежде всего хочу отметить, что НКО, в теории, представляют удобный интерфейс для внешнего вмешательства в дела государства. На это явно указал президент В. Путин 31 января 2006 г., заявив, что «неправительственные организации нужны обществу как контроль за деятельностью самого государства и властных структур. Мы выступаем за прозрачность их финансирования, мы выступаем за то, чтобы эти организации были независимыми и не руководились «кукловодами» из-за границы».

А 7 февраля 2006 г. на заседании коллегии ФСБ Путин пояснил, что «задача специальных служб ... оградить общество от каких бы то ни было попыток использовать эти организации для вмешательства во внутренние дела России со стороны иностранных государств».

Уже на следующий день заявление Путина обсуждалось на заседании комитета Сената США по внешней политике. Барри Ловенкрон, помощник заместителя государственного секретаря США по вопросам демократии и прав человека Польды Львовны Добрянски отметил, что российская элита почему-то не доверяет НКО, получающим иностранное финансирование и вовлеченным в политически чувствительную деятельность, такую как мониторинг прав человека. Причиной недоверия является поведение США в Грузии и на Украине, где, опираясь на спонсируемые ими НКО, США провели операции по смене режима.

Отметим, рассекреченные документы ЦРУ содержат прямые рекомендации действовать благотворительные фонды, такие как фонд Форда, Рокфеллера, Карнеги и другие, в холодной войне против СССР. Сейчас США называют эту практику «мягкой силой» насаждения демократии.

Наиболее откровенно о роли НКО в продвижении демократии в мире высказал глава фонда National Endowment for Democracy (NED), созданного и финансируемого Конгрессом США, Карл Гершман в июне 2006 г. Он описал модель демократии, управляемой извне, как формы доминирования США в мире. Гершман заявил, что диктаторские или полудиктаторские режимы, такие как Россия, используют всё более изощренные методы для контроля гражданского общества, в том числе заставляют НКО регистрироваться, отчи-

тываться об источниках финансирования, ограничивают возможность заниматься политической деятельностью. Также власть вмешивается во внутренние дела НКО. Идеалом же демократии по Гершману, являются НКО, в принципе не подотчетные своему правительству, но, очевидно, зависящие от своих иностранных спонсоров. Совет по внешним сношениям США прямым текстом назвал НКО «мягкой силой».

США никогда не скрывали, что NED создан для того, чтобы легально делать то, чем ранее занималось ЦРУ, поскольку связь с американскими разведслужбами дискредитировала борцов за демократию. В середине 2000-х NED спонсировал деятельность А. Навального, а теперь открыто поддерживает бандеровцев на Украине. (Получение денег от NED признал и сам Навальный. На сайте NED информация о грантах Навальному позднее была стерта, но остались архивные копии веб-страниц.)

Майдан и СБН-лобби

Связь борцов с семейно-бытовым насилием (СБН) и бандеровского лобби США видна из конкретных примеров.

Один из наиболее ярких информационно-пропагандистских проектов, созданных для продвижения закона о СБН — интернет-проект «Насилию.нет», созданный Аленой Поповой совместно с юристами Консорциума женских неправительственных объединений (КЖНО) Анной Ривиной и Мари Давтян.

Попова и Ривина — активные участницы протестных акций на Болотной площади 2012 г. (неудавшейся попытки майдана). Согласно показаниям Ю. Аймалетдинова, данным суду по делу С. Удальцова и А. Развозжаева, осужденных за организацию массовых беспорядков в 2012 г., Ривина проходила стажировку в лагерях в Литве, где обучали методам проведения «цветных революций» и взятия власти, и была каналом передачи денег из-за рубежа К. Лебедеву, подельнику Удальцова по «Болотному делу». В рамках так называемого «Болотного дела» в квартире Ривиной был проведен обыск, после чего она уехала на учебу в Израиль. Вернувшись в РФ, Ривина, ранее занимавшаяся

правовыми вопросами в области СМИ, переключилась на тему СБН, создав проект «Насилию.нет». Также Ривина активно пропагандирует ЛГБТ.

Алена Попова в настоящее время является лицом пиар-кампании за принятие закона о СБН и устраивает акции #ЯНеХотелаУмирать и т.д. Интернет наводнен постановочными фото, манипуляциями со статистикой и юридически безграмотными комментариями Поповой о итогах декриминализации 2017 г., работе полиции и судов, а также преимуществах принятия закона о СБН.

Известно, что г-жа Попова находилась в близких отношениях с беглым депутатом ГД РФ Ильей Пономаревым, который в данное время проживает на Украине, имеет гражданство этой страны и ведет откровенно антироссийскую деятельность. В частности, он заявил, что будет бороться с РФ экономическими мерами, повышая энергонезависимость Украины.

В 2008 г. Пономарев участвовал в учредительном съезде «Левого фронта». 10 декабря 2011 г. на Болотной площади Пономарев выступал со сцены на правах ведущего. Журналист Илья Жегулев приводит слова Пономарева об этом митинге на Болотной: «Я был за санкционированный митинг на площади Революции, и у нас было разрешение. Если бы митинг был там, то был бы майдан. Это близко к Кремлю — все для этого было готово».

В 2012 г. Попова сотрудничала с Пономаревым в рамках проекта «Открытая Дума». Она заявила, что использовала внутренний думский канал из кабинета Пономарева для трансляции заседаний в ГД. Пономарев назвал Попову крайне перспективным российским политиком, и стал учредителем ее Фонда открытых проектов.

В мае 2012 г. Пономарев в разговоре с телеведущей К. Собчак в рамках документального проекта «Срок» рассказал о планах оппозиции: «Наша задача — взять власть. Наша задача всю эту... прогнать, повесить за ноги, чтобы другим неповадно было грабить страну».

В июне 2012 Попова и Пономарев вместе шли на «Марше миллионов».

В августе 2012 г. вместе с Пономаревым и Удальцовым Попова прочитала лекции на «дискуссионных» лагерях оппозиции в Поволжье. Целью проведения лагерей была, по признанию Удальцова, ор-

НАША ВОЙНА

ганизация оранжевого переворота в России («осеннее наступление» вслед за событиями зимы 2011 и весны 2012 гг.).

В федеральном списке на выборы в ГД от Новосибирской обл., где в 2012 г. баллотировался Пономарев, Попова шла второй. То есть она вписана в круг Пономарева, работающего на развал РФ в связке с бандеровцами.

Напомним, что Ривина и Давтян — сотрудники «Консорциума женских неправительственных объединений» (КЖНО), зонтичной организации, борющейся за права женщин в РФ. КЖНО был создан в Москве в 1992 г. как часть незарегистрированной международной коалиции «Женский консорциум США-СНГ». В состав коалиции вошли 11 российских, а также украинские и американские женские организации. Первым координатором Консорциума в России стала Мартина Ванденберг.

Среди основателей КЖНО исследователи указывают правозащитницу из США Элис Файбер Смит. В рамках поездки, организованной USAID, Смит прибыла в Москву, где встретила с представительницами женской общности, включая Елену Ершову (первый президент КЖНО). Утверждается, что Смит пролоббировала создание американо-российского консорциума в Конгрессе США.

Среди спонсоров КЖНО: Российский фонд правовых реформ, USAID, фонд Макартуров, фонд Форда, «Институт «Открытое Общество» Д. Сороса, Канадский фонд поддержки российских женщин, агентство IREX и др.

Первоначально КЖНО спонсировался USAID и фондом Евразия (дочка USAID). В 1995–97 гг. более 50% средств, поступающих феминисткам в РФ из фонда Форда, фонда Макартуров и USAID направлялись через 3 основных организации в Москве: Московский центр гендерных исследований (МЦГИ), Информационный центр независимого женского форума и КЖНО. За все время фонд Макартуров предоставил МЦГИ (входит в состав КЖНО) \$1,2 млн. Кстати, с середины 2007 г. вице-президентом по международным вопросам фонда Макартуров стал Ловенкрон, и он же курировал работу офиса фонда в Москве.

С 2001 по 2013 гг. в совет директоров фонда входила Джейми Горелик, одна из самых влиятельных женщин в США, входящая в ближний круг четы Клинтон и по долгу службы плотно вписанная в разведсообщество США.

Центр «АННА»

Мартина Ванденберг, стоявшая у истоков КЖНО и российского движения за права женщин, — член попечительского совета кризисного центра «АННА», возглавляемого Мариной Пискаловой-Паркер. «АННА» — член КЖНО. Сотрудники «АННЫ» приняли непосредственное участие в разработке законопроекта о СБН и распространении мифа о «14 тыс. женщин, гибнущих от рук мужей ежегодно». В 2016 г. «АННА» была признана иностранным агентом.

С 1997 г. центр «АННА» финансировался фондом Форда (перечислил свыше \$2 млн). Специалистам хорошо известно

Шарль Менье. Императоры Адриан и Юстиан передают Земле свод римского права. 1802–1803

о прочной связи фонда Форда с американскими спецслужбами. Одним из первых тему борьбы за права женщин поднял именно фонд Форда в начале 70-х гг. Любопытно, что на тот момент президентом фонда (с 1966 по 1979 гг.) был Макджордж Банди, экс-советник по нацбезопасности президентов США Д. Ф. Кеннеди и Л. Джонсона, крупнейшая элитная фигура (старший брат Макджорджа Вильям, более 10 лет был штатным аналитиком ЦРУ. Плотную работу с президентом Эйзенхауэром по вопросам национальной безопасности. В администрации Кеннеди был помощником госсекретаря по делам Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. После вьетнамского кризиса вернулся к академической карьере в Принстоне). В 50–70-е годы XX в. в совет директоров фонда входили высокопоставленные отставники ЦРУ или правительства США: П. Хоффман, М. Банди, Р. Бисселл и другие.

Пискалова-Паркер борется против домашнего насилия не только в РФ, но и в США. Вместе с теперь уже бывшим мужем, отставным агентом ФБР Томасом Паркером, Пискалова входила в оргкомитет Human Rights Watch штата Калифорния. В 1990-е годы HRW активно финансировался Дж. Соросом, который некоторое время входил в состав Совета HRW. Писка-

лова стала сотрудником HRW в 1998 г., в оргкомитет вошла в 2001 г. и проработала в нем до 2013 г.

Отметим, в 1994 г. Паркер с коллегами создал Emerald Group, занимавшуюся расследованием корпоративных преступлений. По словам Паркера, это было «маленькое частное ФБР». Уже в 1996 г. Emerald Group имел 16 офисов в США и еще 14 по всему миру — от Гонконга до Буэнос-Айреса. Сотрудниками были бывшие, в том числе и высокопоставленные, отставники спецслужб: ФБР, Интерпола, МИ-6 и др.

Марина и Томас Паркеры создали в Калифорнии собственное НКО — Emerald Institute for International Association, проводивший совместные русско-американские программы по обмену опытом борьбы с домашним насилием. Известно, что на эти программы Госдепартамент США только в 2002 году выделил Emerald Institute \$1,2 млн.

В США Пискалова также занималась проблемами незаконной торговли людьми и секс-рабства. Она, М. Ванденберг и О. Горбунова сотрудничали с Межведомственной комиссией по делам женщин при президенте США, возглавляемой тогдашним послом США в ООН М. Олбрайт и Х. Клинтон. Доклады Горбуновой и Пискаловой заслушивались в Конгрессе

главой Американской Хельсинкской группы сенатором Крисом Смитом. Отметим, что правозащитная деятельность Пискаловой в США находилась в сфере ответственности заместителя госсекретаря США П. Добрянски и ее помощника Б. Ловенкрона (с мая 2001 по январь 2009 г. Добрянски — зам. госсекретаря. Курировала темы: проблемы демократии и прав человека, проблемы, связанные с эмигрантами и гуманитарной помощью, проблему торговли людьми — trafficking).

Пискалова — сотрудник организации в защиту прав женщин Vital Voices Global Partnership (далее VV), созданной по личной инициативе Х. Клинтон и М. Олбрайт в 1997 г. Среди партнеров VV значатся ExxonMobile и Госдепартамент США (в 2017 году Добрянски прочили в заместители госсекретаря США Р. Тиллерсона, а осенью 2019 г. в советники по нацбезопасности президента США Д. Трампа, после отставки Д. Болтона). На встрече VV в 2011 г. мадам Клинтон назвала борьбу за права женщин краеугольным камнем внешней политики США.

В совет директоров VV входит П. Добрянски, одна из ключевых фигур бандеровского лобби в США (членство в Трехсторонней комиссии, Атлантическом совете, фонде Продвижения демократии, Freedom House, Council of Foreign Relations и т. д.). П. Добрянски предсказуемо приветствовала как первый, так и второй украинский майдан, и так же, как и мадам Клинтон, ратовала за введение санкций против РФ.

Член VV от Украины О. Горбунова за «правильное» поведение на майдане 2004 г. получила награду VV. В октябре 2007 г. в Киеве Пискалова-Паркер участвовала в саммите VV, почетным председателем которого была К. Чумаченко-Ющенко, подруга Добрянски и студентка ее отца Льва Добрянского.

Пискалова — член Координационного совета Минтруда РФ по гендерным проблемам, созданного в 2012 году. Кроме нее в совете числятся Светлана Айвазова (КЖНО), Ольга Воронина (МЦГИ), Татьяна Саблина (КЖНО). При Совете усилиями Пискаловой создана рабочая группа, занимающаяся разработкой законопроекта о домашнем насилии. В группу входят юристы Алексей Паршин, Мари Давтян (работает в КЖНО с 2008 года, секретарь Е. Ершовой — почетного президента и основателя КЖНО) и заместитель директора РОО «АННА» А. С. Синельников.

По отчетам «АННЫ», центр активно ведет работу даже с судами и правоохранительными органами.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: в чьих интересах разрабатывается законопроект о СБН, предоставляющий НКО широчайшие полномочия по контролю за российскими семьями? При том что разрабатывается он теми же НКО и никакой ответственности для них не предусматривает. А главное, что законопроект закладывает правовые основы для реализации управляемой демократии, описанной Гершманом, с той лишь разницей, что финансировать НКО будут не иностранные фонды, а российские налогоплательщики.

Максим Карев

НАША ВОЙНА

Позиция российской дипломатии всегда была строгой: мы неукоснительно соблюдаем то, под чем подписались, но не то, что вытекает из чьих-то трактовок

ЕСПЧ выступил как орган не правосудия, а феминизма

Обострение активности вокруг принятия в России «стамбульских мер» (оформленных в 2011 году в виде Стамбульской конвенции) открыто связывается с принятием ЕСПЧ 9.7.2019 постановления по делу *Володина против России*. Многие политики решили, что Россия проиграла суд и теперь обязана принимать стамбульские меры, вопрос только в редакции. В Совете Федерации была создана рабочая группа под руководством Г.Н. Кареловой, которая, вопреки исходному поручению В.И. Матвиенко разобраться в проблеме, сразу объявила целью доработку законопроекта об основах профилактики семейного насилия, включив в свой состав из общественности только представителей «женских общественных и правозащитных организаций» и взяв за основу труды Координационного совета Минтруда РФ по гендерным вопросам.

Между тем дело обстоит не так. Решение ЕСПЧ не содержит прямого указания России принять те или иные меры. Более того, суд посчитал излишним рассматривать прямую просьбу заявителя потребовать этого от России. Предлагаю разобраться в том, что решил суд, и насколько добросовестно это решение.

Суть дела и постановления ЕСПЧ

Володина действительно страдала от криминального (наказуемого по уже действующему Уголовному кодексу) насилия и угроз насилия от бывшего сожителя. Она действительно не получила должной защиты от полиции, хотя прокуратура и суд иногда признавали действия полиции неправомерными. (То есть проблема была не в законах, а в правоприменении, его и необходимо в первую очередь анализировать, если мы впредь не хотим подобных исков против России.) ЕСПЧ присудил Володине компенсацию за нарушение ее прав, зафиксированных в ст. 3 ЕКПЧ (Европейской конвенции о правах человека): «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению». Такая фраза, даже в более сильном варианте — запрещено еще и насилие! — есть и в нашей Конституции (ст. 21). Так что против этой части решения возражать не приходится.

Однако пострадавшую представляла Ванесса Коган, директор голландского фонда *Stichting Justice Initiative*, и в жалобу в ЕСПЧ были включены два требования не частного характера:

1) Признать, что нарушено «право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе» ввиду «отсутствия правовых положений, касающихся домашнего насилия, таких как запретительные судебные ордера». ЕСПЧ отказался от такого прямого указания России — «посчитал его излишним», так как подобная прямота в прошлом уже оборачивалась скандалом: заявлениями Президента РФ о нарушении суверенитета, постановлением Конституционного суда РФ о нарушении принципов европейского правосудия и в конце концов пересмотром решения ЕСПЧ его Большой палатой.

2) Признать, «что непринятие российскими властями конкретных мер по борьбе с дискриминацией по признаку пола в отношении женщин представляет собой нарушение» статьи о недопущении дискриминации по признаку пола.

В этой части суд поддержал жалобу, признав наличие в России дискриминации женщин. Конечно, это потребует от России на международной арене как-то объясняться, говорить о том, что Россия делает, чтобы устранить указанное явление. Однако оно не предписывает принимать какие-то конкретные меры, тем более «стамбульские». Это выражено абсолютно четко в мотивировочной части самого постановления ЕСПЧ: «79. Суд признал, что требование адекватного правового механизма защиты от домашнего насилия может быть выполнено различными законодательными решениями в сфере уголовного права, при условии, что такая защита будет эффективной».

Таким образом, если Россия покажет, что уже после событий дела Володиной приняты эффективные меры, то этого будет достаточно. А мы в Общественной палате уже обсуждали (круглый стол в Общественной палате 28.02.2018 г.; см. «Суть времени» № 268 от 8 марта 2018 г.) итоги принятых в 2017 году мер и выяснили, что они дали эффект в виде заметного снижения уровня тяжких и особо тяжких насильственных преступлений. То есть Россия нашла свой вариант хотя и не «стамбульских», но эффективных мер и нам уже есть, что сказать Европе не только оправдательного, но и поучительного. Уже после этого были приняты еще меры: «Запрет определенных действий» (ст. 105.1 УПК РФ) и право объявлять предостережения потенциальным нарушителям не только от прокуратуры, но и просто от полиции — некоторые аналоги судебного и полицейского охранных ордеров, но, в отличие от них, не расходящиеся с принципами права.

В то же время многие места в мотивировочной части постановления представляют собой агитацию за «стамбульские» принципы и меры. ЕСПЧ даже позволил себе неприемлемое для судебного органа высказывание о желаниях российских властей, которое, на мой взгляд, могло быть поводом для резкой реакции МИД РФ: «132. По мнению суда, продолжающееся непринятие законодательства о борьбе с домашним насилием и отсутствие каких-либо запретительных или защитных судебных ордеров ясно свидетельствуют о том, что действия властей в данном случае... вытекали из их нежелания признать серьезность и масштабы проблемы домашнего насилия в России и его дискриминационное воздействие на женщин». Такие высказывания кто-то пытается использовать в свою пользу, но формальных оснований для этого нет: резолютивная часть конкретных требований к России не содержит.

Но на чем основан сам вывод о дискриминации женщин в России в связи с вопросом о насилии? ЕСПЧ не указал ни одной нормы законов, которая бы дискриминировала женщин; не привел примеров того, что Володиной отказали в защите потому, что она женщина или потому, что

преследователь ее бывший близкий. Суд сделал вывод только на статистике потерпевших, которую ему представил заявитель: «125... В данном случае предполагаемая дискриминация не вытекает из какого-либо законодательства, которое является очевидно дискриминационным, а скорее является результатом фактической ситуации, в которой насилие непропорционально затрагивает женщин».

Говорить о дискриминации, не анализируя поведение предположительно дискриминирующего субъекта, нелепо. Статистическое неравенство может иметь и другие причины. Например, при равной драчливости более слабый пол всегда будет страдать больше; а еще неизвестно, как часто женщины дерутся между собой. Но такой метод — один из постулатов из документов феминизма, на которые ЕСПЧ и сослался.

Но какие же статистические аргументы ЕСПЧ принял во внимание?

1. Данные официальной статистики «в отношении преступлений в сфере семейно-бытовых отношений». То есть из раздела, который вообще не относится к делу, так как в него попадают преступления и не только семейные, и не только насильственные, а и такие, как кражи у соседей. (Полезно запомнить: где слово «бытовые» — там путаница. Оно нужно феминистам, чтобы натянуть свои предложения на отношения не только в семье, но и с соседями, в которых к стати, «домашнее насилие» происходит намного чаще.)

Как сообщает постановление, правительство РФ не представило никакой статистики, то есть оказалось неподготовленным к защите России в суде. На самом деле, в ГИАЦ МВД есть раздел «Преступления, сопряженные с насильственными действиями», а в нем дается разбивка по отношениям между преступником и потерпевшим. По данным этого раздела за 2018 год, 50,1% потерпевших мужчины, 9,2% дети, 40,7% женщины. То есть метод ЕСПЧ должен был бы привести к противоположному выводу: — о дискриминации мужчин.

Важно понимать, что для тяжких преступлений, статистика которых не может быть искажена фактором латентности, количества потерпевших женщин уже существенно меньше. За 2015–2018 год доля женщин среди получивших тяжкий вред здоровью 27–28%, среди погибших — 30–32%, причем их число от года к году снижается: 9,8, 9,1, 8,5, 8,3 тыс. Более того, статистика этого раздела показывает, что насильственных преступлений вне семьи совершается в 9 раз больше, чем в семье.

2. Данные опроса женщин «Репродуктивное здоровье населения России в 2011 году». Они дают «страшные» цифры о размахе насилия (38% женщин хоть раз в жизни(!) испытали вербальное(!) насилие), но они ничего не говорят о дискриминации, так как сравнены с мужчинами не проводилось.

3. Данные опроса, проведенного двумя НИИ, которые число потерпевших определяли как число тех, кто либо испытывал домашнее насилие, либо знал кого-то, кто испытывал. То, что судьи ЕСПЧ приняли за доказательство цифры, полученные таким веселым сложением, может говорить о том, что они не открывали документы,

на которые ссылался заявитель. При этом, как можно было уточнить на сайте ИСПЭН, женщины были потерпевшими чаще (51,5% из потерпевших, а всего 26,5%), но не указывается, сколько из них от мужчин.

4. Данные доклада центра «АННА» о размахе насилия против женщин, которые основаны на уже разобранных недоразумениях, а также включают знаменитые цифры о 14000 женщин, ежегодно убиваемых в семье. И снова все без всякого сравнения женщин с мужчинами, то есть не имеет отношения к вопросу о дискриминации.

Ссылка на 14000 по своему поучительна в связи с вопросом о добросовестности ЕСПЧ. Он ее приводит трижды по разным источникам, но даже из его ссылок видно, что она появилась не позднее 2004 года. Судить Россию в 2019 году на основании данных 2004 года, очевидно, недобросовестно. Но если бы ЕСПЧ хотя бы прочитал документы, на которые ссылается, то нашел бы, что она взята еще из отчета России 1999 года Комитету КЛДЖ — наблюдательному органу Конвенции ООН по ликвидации всех форм дискриминации женщин (отчет представляла в ООН Г.Н. Карелова). А в нем она вторит отчету 1994 года: «Многочисленные факты издевательств и истязаний женщин со стороны мужа. В 1993 году в результате таких преступлений погибло 14,5 тыс. женщин». Осталось заглянуть в статистику того времени и убедиться, что это уже тогда было неправдой: было 29,2 тыс. умышленных убийств в год в целом, то есть не только в семье мужьями. Видимо, кто-то, готовивший доклад России 1994 года, взяв половину этого числа и дописав от своей фантазии «от рук мужей», сообщив миру клевету на свою страну, которую потом все годы стали повторять без указания даты! То есть ЕСПЧ сделал выводы на основании данных, и то ложных, 25-летней давности.

Источники суждений ЕСПЧ

Сам статистический подход к определению дискриминации, как и другие суждения в пользу стамбульских мер, ЕСПЧ основывает не на источниках права (ЕКПЧ и КЛДЖ, которые Россия подписала), а на следующих документах:

1. Документы Комитета КЛДЖ и его представителей. В этой конвенции вообще нет слов «насилие», «гендер», но этот комитет, начиная с 1990 года (рекомендация № 12), самовольно расширил свои полномочия, занявшись не только, и даже не столько дискриминацией, сколько борьбой с насилием против женщин. Для этого он провозгласил, что всякое «гендерное насилие» является актом дискриминации! ЕСПЧ в постановлении цитирует документы этого комитета как нормативные: «Комитет выразил обеспокоенность...», «рекомендовал российскому государству...», «в недавно высказанных им мнениях...», «Комитет указал...», «Комитет разъяснил...», что определение дискриминации...»

2. Рекомендацию Комитета министров Совета Европы R(2002)5, в которой были прописаны до мельчайших подробностей

НАША ВОЙНА

явления, которые страны должны объявить преступлениями, включая насмешки и пристальные взгляды. По Уставу Совета Европы, рекомендации этого органа обязательны для исполнения только в вопросах внутренней организации СЕ, а не для законодателей стран Европы.

3. Стамбульскую конвенцию, которую ЕСПЧ не смог не цитировать, хотя и признал, что Россия ее не подписывала, — якобы потому, что ее подписание говорит о «европейском консенсусе». Этот консенсус еще не охватил почти четверть стран Европы, а кроме того, Европа выглядит на особицу на фоне большинства государств-членов ООН, которое, как показывают голосования в СПЧ ООН, придерживаются совсем других взглядов. Для судебного органа аргумент о «консенсусе» невозможен, говорит только о его беспомощной предвзятости.

4. На собственные прежние суждения, столь же необоснованные.

5. На мнения неправительственных организаций одного вполне конкретного мировоззрения. В частности, роль «независимого комментатора» суд предоставил лондонскому Фонду равноправия, который в России занимается защитой прав ЛГБТ.

Позиция российской дипломатии всегда была строгой: мы неукоснительно соблюдаем то, под чем подписались, но не то, что вытекает из чих-то трактовок. Она недавно была снова ярко выражена в ООН: сначала в заявлении 19 стран 23.09.2019 о том, что «...в резолюциях ООН следует ссылаться только на документы, принятые всеми государствами-членами», затем в выступлении министра С. Лаврова 27.09.2019, назвавшего недопустимым проталкивание неконсенсусных решений через технические комитеты. В нашем случае это касается комитета КДДЖ.

Подытоживая, можно констатировать, что постановление ЕСПЧ, кроме о выплате Володиной денег, не должно иметь последствий для России:

1. Формально оно нас ни к чему не обязывает.

2. Оно недобросовестно: а) ЕСПЧ не сумел разобраться со статистикой, что предопределило неправильный вывод о дискриминации даже по его меркам; б) его мерки строятся не на общепризнанных принципах и нормах международного права, а на мнениях одной стороны международной полемики.

То есть Евросуд выступил как орган не правосудия, а феминизма.

Александр Коваленин

В сущности, состязательный судебный процесс предлагается заменить процессом инквизиционным, при котором аргументы обвиняемого даже не будут процессуально рассматриваться, и он превентивно будет признаваться виновным

ЕСПЧ не вправе указывать России пути изменения ее законодательства

Современное международное право основано на базовом принципе, закрепленном в Уставе ООН, — суверенитете государства. Любые международные нормы заключаются исключительно в результате равноправного и партнерского диалога — «согласования волей».

В основе современной международной доктрины лежит принцип дуализма (Дионисио Анцилотти, Игорь Лукашук, Станислав Черниченко) во взаимодействии международного и национального права, который предполагает взаимную обособленность двух правовых систем — международной и национальной, при их определенном взаимодействии.

Исходя из конституционных принципов и норм Россия обязана исполнять лишь те договоры, которые были ею согласованы, подписаны и самое главное ратифицированы. Без ратификации невозможно говорить об обязательности для России каких-либо международных обязательств.

Акты, которые принимаются международными межправительственными организациями, не обладают обязательной юридической силой и носят сугубо рекомендательный характер. Их принято называть «мягким правом» (Soft Law). Это касается как структур Совета Европы, так и той же ООН, за исключением решений Совета Безопасности.

Международные договоры не могут противоречить Конституции РФ, поскольку она сакрализована волей многонационального народа России. После ратификации договоры ставятся в один ряд с федеральным законом. Такой вывод сле-

дует из норм Конституции, а также он был зафиксирован в Постановлении КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21. Более того, КС РФ также отметил, что решения ЕСПЧ также не могут противоречить Конституции РФ и не являются абсолютно обязательными к исполнению.

Подобный подход характерен для большинства стран Европы. В частности, такую позицию высказал Федеральный конституционный суд ФРГ в связи с решением ЕСПЧ по делу «Гергюлю» еще в 2004 году. Аналогичные правовые позиции были приняты Конституционным Судом Италии в 2011 году и Австрии еще в 1987 году. Также Верховный Суд Великобритании в 2013 году отметил, что решения ЕСПЧ «не воспринимаются как подлежащие безусловному применению, они лишь «принимаются во внимание».

Говоря об имеющей непосредственное отношение к теме семейно-бытового насилия «Стамбульской конвенции», следует отметить важный факт — ее подписало 45 из 47 членом Совета Европы (не подписали Россия и Азербайджан), однако 11 государств хотя и подписали, но до сих пор не ратифицировали, то есть по факту отказались от ее применения (Армения подписала 18.01.2018, Молдавия 06.02.2017, Лихтенштейн 10.11.2016, Латвия 18.05.2016, Чехия 02.05.2016, Болгария 21.04.2016, Венгрия 14.03.2014, Литва 07.06.2013, Великобритания 08.06.2012, Украина 07.11.2011, Словакия 11.05.2011).

Тот факт, что четверть государств — членом Совета Европы в течение долгого времени не ратифицирует Стамбульскую конвенцию, однозначно говорит о том, что в Совете Европы отсутствует консенсус по поводу новых постмодернистских, релятивистских гендерных подходов к концепции прав человека и семьи. Очевидно, что подходить к юридическим механизмам, которые предлагает ввести Стамбульская конвенция, как к истине в последней инстанции, было бы в крайней степени неосмотрительно.

В этой связи, В. Д. Зорькин в своей статье «Россия и Страсбург» отмечает, что концепция т. н. «европейского консенсуса» противоречит либерально-демократическим принципам, лежащим в основе ЕСПЧ, поскольку Конвенция запрещает навязывание воли общественного большинства меньшинству, а «консенсус» в действительности является навязыванием воли большинства государств их меньшинству. Кроме того, применение конструкции европейского консенсуса ведет к неуклонному расширению центрального содержания («ядра») конвенционного права за счет сжатия периферийной зоны (в пределах которой действует свобода усмотрения национальных органов при определении конкретных форм и путей реализации данного права), что нарушает принцип субсидиарности, лежащий в основе Конвенции.

И, наконец, консенсус нередко фактически формируется самим ЕСПЧ с опорой на доклады неправительственных правозащитных организаций при игнорировании позиций самих государств-участников.

Более того, в компетенции ЕСПЧ лишь указать государству на факт нарушения и потребовать исправить ситуацию, но вне его полномочий выдвигать конкретные требования по изменению тех или иных национальных норм, т. к. это может делать только государство, с учетом социально-экономических и этноконфессиональных особенностей общества. Суверенное государство прежде всего ориентируется на национальную конституцию и в принципе не обязано безоговорочно следовать предписаниям каких-либо международных структур, в том числе международных организаций и судов.

К сожалению, ЕСПЧ в своем решении по делу Володиной, вне какой-либо разумной аргументации, встал на позицию, согласно которой введение так называемого «запретительного приказа» является абсолютной панaceей от семейно-бытового насилия в России.

В заключение необходимо обратить внимание на то, что логика лоббистов дополнительной криминализации так называемого «семейно-бытового насилия» исключительно по западноевропейским шаблонам упирается в требование радикально усилить полномочия полиции по вторжению в частную жизнь граждан, причем в некоторых случаях минуя суд. То есть, в сущности, состязательный судебный процесс предлагается заменить процессом инквизиционным, при котором аргументы обвиняемого даже не будут процессуально рассматриваться, и он превентивно будет признаваться виновным.

Но в наши дни органы полиции испытывают серьезнейший дефицит квалифицированных и компетентных кадров. В частности, сегодня, по факту, вплоть до звания «капитан» можно дослужиться без наличия высшего образования. Требования же о высшем юридическом образовании, как к сержантскому, так и младшему офицерскому составу, по сути, не существует. Принятие обсуждаемого закона, очевидно, приведет к колоссальным нарушениям прав граждан со стороны сотрудников МВД, поскольку на полицию будут возложены нехарактерные для нее квазисудебные функции, реализовывать которые предлагается поручить кадрам с достаточно низкой компетенцией (например, сотрудники ППС, вневедомственной охраны, участковые и т. п.).

Константин Чепрасов

Алларт ван Эбердинген. Медведь ищет правосудия у Льва против Лиса и Кролика. 1650–1675

НАША ВОЙНА

«Защитное предписание» и «судебное защитное предписание», скопированные из зарубежных аналогов, — это вчерашний день для нашего судопроизводства

Конкуренция норм права — не лучший способ борьбы с насилием

С февраля 2017 года уголовно наказуемые побои в отношении членов семьи, близких к потерпевшему лицу, так же, как и побои, совершенные посторонними потерпевшему гражданином, были переведены в состав административных правонарушений. Таким образом, Государственная дума исправила ошибку, допущенную предыдущим законом, который принял дискриминационную норму по отношению к группе лиц по статусу родства (ст. 19 Конституции РФ).

С тех пор произошли позитивные изменения в правоприменительной практике полиции, поскольку те правонарушения, которые были латентными (то есть скрытыми от официальной статистики), стали очевидными, так как производство по административным делам, регламентированным ст. 6.1.1. Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) — «Побои», стали возбуждать органы полиции, а не суд.

Таким образом, у полиции появились процессуальные основания для реагирования на звонки потерпевших по делам о побоях. Они обязаны приехать на место совершения административного правонарушения и по заявлению потерпевшего принять меры к нарушителю.

В частности, в зависимости от обстоятельств произошедшего они вправе применить административное задержание обидчика на 48 часов, в связи с тем, что статья 6.1.1. КоАП РФ в своей санкции предусматривает меру наказания в виде ареста до 15 суток (ч. 3 ст. 27.5 КоАП РФ).

Ранее по уголовным делам, предусмотренным ст. 116 Уголовного кодекса РФ в прежней редакции, полицейские не вправе были задерживать правонарушителя, поскольку Уголовный кодекс РФ не содержал такой меры наказания по побоям, как лишение свободы. Из-за чего полиция не имела права применять задержание подозреваемого (ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Возбуждение дел частного обвинения в суде приводило к тому, что потерпевший и преступник на ранней стадии конфликта не изолировались друг от друга, как это может делаться сейчас, из-за чего бывали случаи, что начавшееся как побои преступление перерастало в более тяжкое — причинение вреда здоровью или убийство.

Обращение потерпевшего в суд не могло пресечь преступление, поскольку процедура судопроизводства по побоям сама по себе громоздкая, небыстрая. Кроме того, у суда также не было и нет полномочий для избрания обидчику меры пресечения в виде содержания его под стражей. А главное в таких делах — изолировать правонарушителя от потерпевшего. Это стало возможным после перевода впервые совершаемых побоев в число административных правонарушений.

Процедура привлечения виновного к ответственности упростилась, ускорилась. После задержания в течение двух суток может быть составлен административный протокол, проведено расследование, после чего материал должен направляться судье для рассмотрения. Тот в свою очередь вправе принять постановление о назначении виновному меры наказания в виде ареста вплоть до 15 суток. За это время потерпевший может принять меры для самосохранения: найти безопасное место

Жан-Луи Форейн. Адвокат и обвиняемый. 1908

для себя и близких лиц, подать заявление о расторжении брака, переехать на другое место жительства.

Кроме того, срабатывает временной фактор. Некоторым правонарушителям достаточно такой превентивной меры, как арест, для того, чтобы не допускать подобного поведения впредь. Иначе при повторном правонарушении в отношении него может быть возбуждено уголовное дело по ст. 116.1 УК РФ.

Лоббисты закона о профилактике домашнего насилия, стремясь достичь своей цели, развернули агрессивную рекламу по продвижению услуг, прописанных в их законодательных предложениях, до настоящего времени не оформленных в проект закона. Навязать предлагаемые услуги невозможно, не убедив будущих потребителей в их необходимости и незаменимости. Отсюда в ход пошли все маркетинговые средства, призванные доказать наличие в нашей стране «эпидемии насилия», с которой должны справиться «охранные орды», психологические курсы «по управлению гневом», кризисные центры и НКО, которым предлагается передать надзор за государственными органами по исполнению последними будущего закона по борьбе за мораль и нравственность в семьях граждан.

Вместе с тем, в век интернета ложь легко проверяется.

Так, в статистике ГИАЦ МВД России за 2015 год, не опороченный «декриминализацией домашнего насилия», на которую зачастую ссылаются различные «докладчики», имеются данные о расследованных «насильственных преступлениях, совершенных на бытовой почве», — таких дел было 140 670. Но это не значит, что все эти преступления были совершены в семье и членами семьи. Из числа преступлений на бытовой почве совершены в сфере семейно-бытовых отношений 54 285 преступлений, причем потерпевшими по этим преступлениям были как женщины, так и мужчины. Потерпевших женщин от преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенными в отношении члена семьи, в 2015 году бы-

ло 17 908, то есть в два раза меньше, чем мужчин. Зафиксируем эти цифры, уточнив, что к насильственным преступлениям в данном случае относились не только убийства, но и вред здоровью различной степени тяжести, и побои. По данным правоохранительных органов, обновленным на 22.04.2019 года, Федеральная служба государственной статистики в таблице «Число лиц, потерпевших от преступных посягательств» (то есть от всех видов преступлений, не только от «домашнего» насилия), выдает цифры потерпевших женщин в 2015 году 805 500 человек: это и потерпевшие по уголовным делам о преступлениях против личности; в сфере экономики; против здоровья населения и общественной нравственности, и другим.

Сравниваем цифры за 2015 год: 805 500 человек потерпевших женщин по всем видам преступлений и 17 908 потерпевших женщин от преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенными в отношении члена семьи, и получаем процент, далекий от 80%, — всего 2,22%.

То есть случаи «домашнего» насилия в отношении женщин в 2015 году в Российской Федерации составляли всего 2,2% от числа всех совершенных в отношении женщин преступлений. И процент этот сокращается год от года.

В Российской Федерации давно приняты и действуют законы, гораздо эффективнее предлагаемого феминистками. «Защитное предписание» и «судебное защитное предписание», скопированные из зарубежных аналогов, — это вчерашний день для нашего судопроизводства.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит не менее сорока составов, квалифицирующих преступления, отнесенные феминистками к «семейно-бытовому насилию».

Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ содержит гораздо больше профилактических мер, не уступающих зарубежным. «Официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений,

либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения», которое может выносить сотрудник полиции под учетному лицу до возбуждения административного или уголовного дела, — это аналог «защитного предписания».

В отношении правонарушителя, совершившего преступление, по ходатайству дознавателя или следователя может быть избрана мера пресечения — «запрет определенных действий» (ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ), которая назначается по постановлению судьи, рассматривающего ходатайство следственных органов в течение восьми часов с момента поступления ходатайства в суд, а не в течение 15 дней, как в своем законопроекте предлагают законодотворцы, уповая на «судебное защитное предписание». Указанной мерой может быть наложен запрет виновному лицу на преследование потерпевшей(его), на использование средств связи, социальных сетей, на приближение к определенным объектам. Контроль за исполнением данной меры пресечения может вестись с использованием аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля.

В соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» еще до возбуждения уголовного дела могут быть приняты меры безопасности к потерпевшему, очевидцам преступления, их близким родственникам, такие, как личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место, в том числе — социально-реабилитационный центр, о котором говорят феминистки. Органы социальной защиты могут предоставить временное жилое помещение.

Проведение с лицами, состоящими на учете в полиции или органах социальной защиты в связи с домашними конфликтами, психологических тренингов, за которые ратуют феминистки, возможно и сегодня в рамках действующего Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ.

Возмещение потерпевшему морального и материального ущерба, судебных расходов предусмотрено действующими Уголовно-процессуальным, Гражданско-процессуальным, Гражданским кодексами Российской Федерации.

То есть предлагаемые лоббистами законопроекта меры уже закреплены в российском законодательстве, не нарушают Конституцию Российской Федерации, в связи с чем нет никакой необходимости вводить аналогичные, устраивая конкуренцию норм права, которая осложнит работу по пресечению правонарушений и преступлений, и навредит так рьяно защищаемым женщинам.

Людмила Виноградова

НАША ВОЙНА

Диктовать детям расписание и режим дня родители теперь тоже не смогут. А попытки оторвать ребенка от гаджетов и компьютера могут быть квалифицированы как контролирующее или принуждающее поведение

Психологическое насилие как способ вторжения в семью и тоталитарный инструмент для подавления личности

Закон о профилактике семейно-бытового насилия пытается ввести в наше правовое пространство такое понятие, как психологическое насилие.

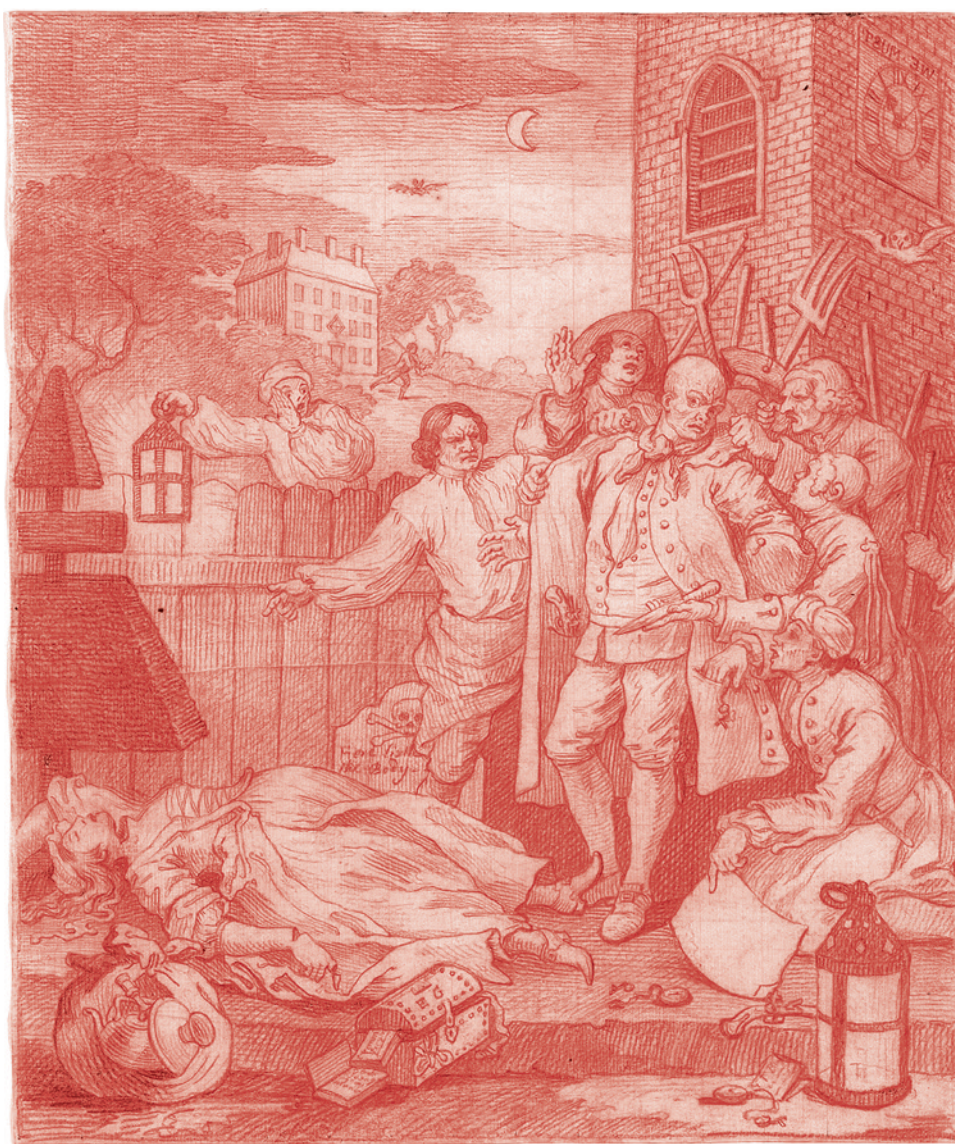
В международной практике это понятие применяется вот уже несколько лет. В некоторых странах (например в Великобритании и Франции) за психологическое насилие предусмотрено уголовное наказание. Существует несколько подходов по выявлению психологического насилия.

Первый из них зиждется на выявлении вреда, нанесенного жертве психологического насилия. Предполагается, что у человека, подвергнутого такому насилию, появляется ряд симптомов, свидетельствующих о том, что ему нанесена психологическая травма. Так, например, в Пояснительном докладе к Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульской конвенции) написано, что «вред для здоровья», нанесенный жертве, предусматривает «серьезные психологические последствия, нанесенные актами психологического насилия». Там же поясняется, что «тяжесть преступления ограничивается преднамеренным поведением, которое наносит тяжкие последствия и ущерб для психологического состояния различными средствами и методами. Конвенция не определяет, что имеется в виду под тяжкими последствиями. Для того чтобы это положение распространялось на соответствующее поведение, следует обращаться к понятию принуждения или угроз».

Среди признаков вреда психологического состояния специалисты указывают депрессию, повышенную тревожность, сниженную самооценку, нарушения сна, нарушения памяти, посттравматическое расстройство.

Этот подход требует наличия серьезной экспертной работы. Он вызывает много вопросов как у юристов, так и у психологов. Например, недостаточно констатировать наличие тревожности, депрессии, низкой самооценки или стрессового состояния, важно еще доказать, что они вызваны именно неким поведением со стороны супруга, его словами или действиями. А это значит, что надо иметь данные о том, каково было состояние жертвы до того, как началось психологическое насилие со стороны супруга. На практике оказывается, что доказать нанесение вреда очень сложно, а порой даже невозможно.

В психологии очень хорошо описан такой механизм психологической защиты как «Проекция». Он заключается «в неосознанном наделинии другого человека присущими данной личности мотивами, чертами и свойствами». «Классический пример этого защитного механизма — индивид, испытывающий чувство агрессии по отношению к другому, но поскольку это чувство для него неприемлемо, он находит выход из этого противоречия в том, что приписывает агрессивность

Уильям Хогарт. Третья стадия жестокости (Совершенная жестокость). 1750

другому («Это не я к нему плохо отношусь, а он ко мне»). Нередко собственные недостатки или несовместимые с нравственными представлениями желания приписываются другому лицу» для того.

В этом смысле ощущение униженности, потери чести, достоинства и пр., является в высшей степени субъективным, а иногда и не соответствующим реальности. Особенно сильно механизм проекции проявляется в семейных конфликтах (которые наличествуют в любой семье). Стороны конфликта часто чувствуют себя оскорбленными, они могут ощущать себя объектами агрессии, эти ощущения могут быть субъективными, не привязанными к реальности. В этих условиях квалифицировать «психологическое насилие» не представляется возможным.

В теории семейной психологии описана также такая важная характеристика семейных отношений как реципрокность. «Реципрокность — круговая причинность, определяющая поведение каждого из супругов, когда поведение одного оказывает воздействие на поведение второго, и наоборот». Так, например, разбирая семейные конфликты на почве

ревности, специалист в области семейной психологии не станет обвинять мужа в ревнивом поведении, но попытается разобраться, что в действиях жены вызывает у мужа чувство ревности, какие действия мужа заставляют жену провоцировать приступы ревности и т. д. Семья — это чрезвычайно сложный системный организм, с весьма тонкими механизмами психологического функционирования. Процесс разбирательства в истинных мотивах и причинах поведения супругов (порой неосознанных) требует высокой квалификации и изначально нейтральной позиции специалиста. Подход, при котором нужно разделить супругов на «агрессора» и «жертву», грубо нарушает принципы семейной психологии.

Мы привели лишь несколько характеристик из сферы психологии отношений (а их достаточно много), которые позволяют сделать вывод о том, что предлагаемое законами о домашнем насилии разделение членов семьи на психологических насильников и жертв является ошибочным. В ситуации семейного конфликта нравственные страдания испытывают, как правило, все члены семьи. А потому сами по себе нравственные страдания, при отсутствии физи-

ческого и сексуального насилия, не могут служить поводом наказания или защиты кого-либо из супругов, а также быть объектом регулирования со стороны правосудия, чиновников и сторонних лиц.

Второй подход основывается не на состоянии жертвы, а на поведении агрессора, наносящем психологический вред жертве. Таковым признается «принуждение» и «контролирующее поведение» агрессора. О принуждении или насильственном поведении говорится в статье 33 Стамбульской конвенции. Эта концепция легла в основу закона Великобритании (первой, введшей уголовное наказание за психологическое насилие в 2015 году).

В методическом пособии, изданном МВД Великобритании, даны следующие определения контролирующего и принуждающего поведения:

Контролирующее поведение — «Ряд действий, направленных на то, чтобы сделать человека подчиненным и/или зависимым, изолируя его от источников поддержки, используя его ресурсы и возможности для личной выгоды, лишая их средств, необходимых для независимости, сопротивления и побега, и регулируя их повседневное поведение».

Определение принудительного поведения: «Акт или паттерн актов нападения, угроз, унижения и запугивания или других злоупотреблений, которые используются для причинения вреда, наказания или запугивания их жертвы».

Для определения преступного поведения в пособии дается некий перечень примеров. Среди прочих примеров там есть, например, такие:

- постоянная критика;
- унижение;
- ревнивое или собственническое поведение, например, частые телефонные звонки, чтобы проверить, где находится жертва и что она делает, или проверка активности на телефоне или в социальных сетях жертвы;
- контроль над семейными финансами и удержание денег у жертвы;
- изоляция жертвы, недозволение ей посещать друзей и семью;
- диктовать, какую одежду или прическу должна носить жертва;
- диктовать режим или расписание жертвы, например, время прихода или ухода из учебного заведения или походов по магазинам;
- предотвращение работы жертвы вне дома или наблюдение за ней на работе;
- ограничение доступа к связи, например, к телефону или компьютеру и т. д.

НАША ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 9

В документе подчеркивается, что перечень не закрытый. Заметим, в документах авторы настаивают на том, что речь идет не о единичном акте, а о повторяющемся поведении. Однако в определении черным по белому написано об обратном. О том, что единичный акт тоже подпадает под понятие «принуждающее поведение». Это, кстати, тоже можно назвать важным паттерном поведения всех, кто проталкивает по миру законы о домашнем насилии. Они все время успокаивают общество, вслух заявляя одно, а в текстах предлагая совершенно иное, порой противоположное сказанному.

Список чрезвычайно широкий. И указанные в нем примеры говорят нам, что преступником можно будет сделать практически любого взрослого члена семьи. Например, среди поведенческих актов, указывается наличие ревности, попыток узнать, с кем супруг проводит время и т. д., однако полицейские и обвинения будут основываться только на наличии данных актов, но не будут учитывать, давал ли второй супруг регулярные поводы для ревности. Споры о том, куда надо направить деньги из семейного бюджета при большом желании можно превратить в «контроль над семейными финансами», а замечания родителей по поводу вызывающей одежды детей в «критику» и «диктовку, что носить жертве или как делать прическу».

Диктовать детям расписание и режим дня родители теперь не смогут. Также как и попытки оторвать ребенка от гаджетов и компьютера могут быть квалифицированы как контролирующие или принуждающее поведение. В Великобритании теперь все это может быть признано преступлением, за которое предполагается уголовное наказание вплоть до 5 лет лишения свободы. Международные документы (например, Стамбульская конвенция) открыто рекомендуют странам вводить именно уголовное наказание за психологическое насилие.

Все перечисленное из законодательства Великобритании является не местными национальными особенностями. Это реализация концепции «Принудительного контроля» известного американского социолога Эвана Старка. Как говорит Шерил Томас — один из ключевых экспертов ООН по психологическому насилию и разработчиков международного законодательства, касающегося насилия над женщинами, — Эван Старк разработал «Новый усовершенствованный язык, помогающий лучше внедрить психологическое насилие в законодательство». Концепция, разработанная Старком, внедряется в законы о домашнем насилии, принимаемые в последние годы по всему миру.

Однако парадокс состоит в том, что именно психологическая составляющая в данном случае полностью исключается, никто всерьез психологический вред от подобного поведения измерять больше не будет.

«Во всем мире (за некоторым исключением) политика правового реагирования на домашнее насилие основана на модели, которая определяет насилие как отдельные нападения или угрозы. Такая политика основана на имплицитном предположении, что степень тяжести домашнего насилия может быть оценена путем оценки физического и психологического вреда для конкретных нападений», — пишет Старк в своей статье «Говоря от имени пострадавших женщин: Принудительный контроль и защита свободы».

При этом термины «психологическое насилие» и «экономическое насилие» ему не нравятся, поскольку они «расплывчатые и ими легко манипулируют правонарушители, которые утверждают, что это их подвергают эмоциональному насилию. Кроме того, если женщина заявляет, что над ней совершили психологи-

ческое насилие, чтобы получить доступ к средствам правовой защиты в некоторых странах, ей может потребоваться представить «экспертные» показания психолога, чтобы доказать ущерб или вред». Такую правовую политику Старк считает неэффективной.

Со Старком соглашается Шерил Томас. *«Мы должны понимать, что определения психологического и психического насилия открыты для множества интерпретаций. Трудно определить, что является психологическим насилием, а что — малозначимым замечанием. А кроме того, агрессор может манипулировать этими терминами и заявлять, что жертва является насильником, а не он».* Она привела примеры работы полицейских в странах, в которых с группой экспертов занималась внедрением законов о домашнем насилии.

В тех странах, где в правовое пространство было введено понятие «психологическое насилие», полицейские часто не могли определить, кто именно является агрессором. «Мы отмечали, что полицейские могут арестовать обоих супругов за словесную ссору», — сообщает Томас. А иногда женщин наказывают даже более сурово, жалуется она.

Поэтому, с целью лучшего применения, для «переформулировки понятий» началась разработка «нового правового языка, который бы описывал типы поведения, наносящего вред», — сообщает Шерил Томас.

Эван Старк считает, что его концепция облегчит задачу полицейским. *«Принудительный контроль имеет идентифицируемые временные и пространственные измерения, типичную динамику и предсказуемые последствия», — пишет он.*

Итак, вред психологическому здоровью теперь будет определяться легко. Это сможет сделать любой полицейский. Главное — вовремя свериться с методическим пособием.

Есть и еще один признак того, что скорее всего никто всерьез искать действительно виновных не будет. В пособии МВД Великобритании, посвященном психологическому насилию (или, как они выражаются, Контролирующему или принуждающему поведению в интимных или семейных отношениях), говорится о том, в 84–92% случаях обвиненными являются мужчины. *«Контролирующее или насильственное поведение — это, прежде всего, форма насилия в отношении женщин и девочек, основанная на более широком социальном гендерном неравенстве», — написано в пособии.* Поэтому при поиске виновного, несмотря на все заверения о том, что закон является гендерно нейтральным, каждый раз оговаривается, что «важно учитывать роль пола». Подчеркнем, говорится это не в концептуальных статьях и не на философских диспутах, а в конкретном документе, в пособии для полицейских. Мы снова видим, что уже не только в международных, но и национальных документах людям, принимающим решения, мягко намекают, где именно искать жертв, а где виновных.

Итак, Эван Старк настаивает на изъятии психологической составляющей и на отказе от построения обвинения на основе оценки психологического состояния жертвы. От психологической составляющей уже отказываются некоторые страны, принявшие законы, наказывающие уголовно за психологическое насилие. Так, например, закон Великобритании использует парадигму Старка о «принуждении и насильственном поведении» и его же определения этого самого поведения. В предложенной парадигме Старка (а он социолог, а не психолог) процедуры доказательства вреда уже не нужно. Есть огромный перечень поведенческих актов, которые некая группа людей решила признать насильственными.

Чем чреват переход на эту парадигму? Он означает еще большее усиление вмешательства государства в семью, т. к. теперь оно может вмешиваться, даже если женщина не считает себя жертвой, не считает, что ей нанесен какой-то ущерб, а заявление в полицию сделали, например, соседи. Раз есть набор действий, признанных насильственными, то государство будет спасать женщину от насилия даже против ее желания.

О последствиях расширенного применения понятия «психологическое насилие»

Что означает создание чрезвычайно обширного списка поведенческих актов, которые не являются актами физического насилия, но теперь считаются уголовным преступлением? По сути, борцы с домашним насилием хотят создать отдельное правосудие, существующее по своим принципам и карающее граждан за то, что ранее преступлением не считалось. Для этих целей они уже разработали отдельный поведенческий кодекс. Если внимательно присмотреться к законам по борьбе с домашним насилием, то становится понятно, что от реального физического насилия они не защищают — от него защищает существующее уголовное право. А вот те, кто ратуют за введение в правовое пространство понятия «психологическое насилие», всерьез говорят, что оно не менее, а даже более страшно, чем причинение физического вреда здоровью. При этом они сами признаются в том, что реального физического насилия в семьях мало. *«Только 5% из всех случаев домашнего насилия сопровождаются легкими ранениями. И только в 1–2% есть серьезные травмы. А убийствами домашнее насилие кончается в ничтожном количестве случаев», — признается Эван Старк, проводивший исследования на тему домашнего насилия во многих странах мира. «Поэтому если вы для вмешательства ждете убийства, или серьезных травм или даже легких травм, вы пропустите 90–99% случаев домашнего насилия», — говорит он.*

Созданная феминистками картинка, согласно которой семья — это колыбель насилия, не складывается. Видимо, поэтому Старк говорит о том, что надо менять саму концепцию насилия, что нынешняя не работает. Не позволяет вмешиваться в семью в том объеме, в котором этого бы хотелось борцам с насилием против женщин. И что он со своими соратниками уже совершил революцию в этом вопросе, создав свою концепцию насилия. *«Насилие часто невидимо», — заявляет Старк. «Поэтому концепция принуждения и контроля играет очень важную роль», — говорит Старк.* И действительно, согласно этой концепции, насилия в семье и обществе сразу становится больше. И, что самое главное, каждый человек, имеющий близкие отношения с кем-либо, может быть признан преступником. Контролирующим и насильственным поведением Эван Старк считает любое ожидание от женщины исполнения функций, связанных с «гендерными стереотипами». Мужчина демонстрирует контролирующие и насильственное поведение, если он «навязывает» ей гендерные стереотипы. Если мужчина видит в женщине мать, заботящуюся о детях, то это насилие. Насилие — это уже не преступление против тела женщины, а «преступление против свобод и прав женщины», считает Старк. Очевидно, что в таких условиях создание семьи и рождение детей становится весьма рискованным делом и нет никаких сомнений в том, что внедрение понятия «психологическое насилие» нанесет разрушительный удар по институту семьи.

Но «невидимое насилие» шагает по планете и распространяется дальше, за пределы семейных отношений. Гендерные стереотипы навязывает женщине не только ее партнер, но общество в целом, считают борцы с гендерным насилием. В международных документах понятие «психологическое насилие» уже перешагнуло рамки семьи. Так, например, «Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием» рассматривает это самое насилие во всех сферах жизни женщины.

Присмотримся еще раз к некоторым определениям психологического насилия. Вот определение психологического насилия из этой Конвенции: «намеренное поведение, приводящее к серьезному ущербу психологической целостности лица в результате принуждения или угроз».

Согласно рекомендации Совета Министров R(2002)5 «О защите женщин от насилия» психологическим насилием являются *«насмешки, недоброжелательные или унижительные замечания, угрозы, изолирование, презрительное отношение, злость и публичное оскорбление. Подобное поведение рассматривается как посягательство на целостность лица, на которое оно направлено, и на его уверенность в себе, особенно в тех случаях, когда оно носит длительный характер».*

А теперь попробуем представить человека, который сможет избежать обвинения в разных видах психологического насилия.

Это человек, который тихо говорит (иначе его поведение можно признать угрожающим), никогда не возражает (иначе решат, что он недоброжелателен), не смотрит в глаза (иначе скажут, что он сексуально домогается — согласно рекомендации R(2002)5 пристальный взгляд квалифицируется именно так).

Концепция «Принудительного контроля» последовательно принуждает человека со страхом бежать от любых тесных отношений с людьми.

Любая критика человека при большом желании может квалифицироваться как недоброжелательное поведение. Предположим теперь, что данное понятие приживется в праве. Что за психологическое насилие можно будет лишать свободы на несколько лет. Его же можно будет применять и в других областях жизни? Вот, например, недавно вышел закон, запрещающий оскорбление власти. Можно себе представить, как будет удобно чиновникам получить возможность еще и сажать недовольных в тюрьму за недоброжелательные замечания. *«Вмешательство, основанное на модели борьбы с принудительным контролем, базируется на нашем неприятии какого-либо подчинения, а не просто запрете на насилие», — пишет Эван Старк.*

Нам стоит внимательно присмотреться к новому языку, к новой концепции насилия, созданной Старком сотоварищи. Ведь на самом деле они создают инструмент невиданного доселе подавления личности, того самого «подчинения», того самого тоталитарного «принудительного контроля» за всеми и каждым. И чтобы не допустить этого, мы должны всячески сопротивляться внедрению понятия «психологическое насилие» в наше правовое пространство.

Жанна Тачмамедова

НАША ВОЙНА

Субъективность толкования термина является, как известно, коррупциогенным фактором. Введение термина «психологическое насилие» может повлечь колоссальные злоупотребления не только со стороны чиновников, но и со стороны недобросовестных заявителей

Направления противодействия семейному насилию в России

В качестве революционно-нового для российской действительности механизма противодействия семейным конфликтам сторонами либеральных преобразований был разработан законопроект о семейно-бытовом насилии. Полностью основанный на зарубежной модели, он предусматривает введение совершенно новых для российского права принципов и механизмов защиты жертв семейного насилия, а также понятий «психологическое насилие» и «экономическое насилие», за совершение которых предполагается ответственность только членов семьи (настоящий или бывших).

1. По моему мнению, указанный закон не состоятелен уже только потому, что пытается ввести в сферу правового регулирования крайне субъективное понятие «психологическое насилие», единственным критерием наличия которого является субъективное мнение жертвы. Под определение «психологического насилия» подпадает любое недовольство одним человеком другим. А если отсутствуют четко определенные критерии правового понятия, то оно не будет соответствовать основным признакам нормы права, таким как *конкретность содержания* и *формальная определенность*, которые являются показателем высокого уровня развития права. Принятие столь субъективных определений отбросит наше право далеко назад в своем развитии.

Столь неопределенная норма не сможет применяться единообразно во всех (любых) ситуациях. Особенности ее применения будут зависеть от мнения так называемых специалистов, как правило, представителей НКО (исходя из содержания и логики законопроекта), что приведет к формированию разной правоприменительной практики в регионах России и массовому нарушению принципа равенства граждан перед законом. Допустить это, совершенно однозначно, нельзя.

Субъективность толкования термина является, как известно, коррупциогенным фактором. Введение термина «психологическое насилие» может повлечь колоссальные злоупотребления не только со стороны чиновников, но и со стороны недобросовестных заявителей (в том числе представителей НКО, которым законом делегируется существенный объем прав по выявлению семейного насилия), рост коррупции, массовые изъятия детей, разводы, а также незаконное отчуждение собственности (законопроект регламентирует, что на основе судебного защитного предписания «*семейный нарушитель*» может быть обязан покинуть жилое помещение, в котором он проживает, даже если он является его собственником). А замена «заявительного порядка» обращений на «выявительный», когда сообщать о факте любого, даже неявного психологического насилия смогут любые анонимные «доброжелатели», повлечет за собой массовые обвинения невиновных людей и незаслуженные наказания, учитывая, что отдельные меры принуждения к «наильнику» предполагается применять до вынесения судом решения о его виновности.

Эдмунд Дж. Салливан. Царство правосудия. 1917

2. Противоречащим принципам права и поэтому совершенно недопустимым является предлагаемый новый механизм защиты жертв семейного насилия, когда профилактические меры и меры принуждения к «*семейному нарушителю*» должны применяться в обязательном порядке не только до вступления решения суда в законную силу, но и до возбуждения уголовного дела. Это объясняется тем, что защита жертв семейного насилия на основе новых принципов, вводимых данным законопроектом, начинается с момента подачи заявления от «жертвы» и не требует никаких доказательств объективности существования заявления, а также усмотрения какого-либо состава правонарушения в действиях «семейного нарушителя». Однако, несмотря на это, сотрудник полиции будет обязан незамедлительно выписать «*охранительный ордер*», налагающий на «*семейного нарушителя*» ряд соответствующих ограничений. Данный механизм и принципы защиты жертв семейного насилия нарушают принцип презумпции невиновности, являющийся бесспорным достижением мировой правовой мысли.

3. По мнению правозащитных НКО, активно поддерживающих законопроект о семейно-бытовом насилии, в России только за 2018 г. насчитывалось 16 млн жертв психологического насилия в семейной сфере. Если поверить этим данным, то можно предположить, что после легализации понятия «психологическое насилие» количество жертв станет еще больше (туда добавятся нарушители прав детей, мужчин, престарелых и прочих членов семьи), и нам придется увеличить штат сотрудников полиции, поскольку они прописаны в законопроекте в качестве основных субъектов профилактики семейного насилия. Учитывая, что в 2018 г. в России на учете только в органах внутренних дел состояло 562 394 граждан, то только ориентируясь на указанную НКО цифру потерпевших,

штат сотрудников полиции придется увеличить в 24 раза!!! В итоге наше общество рискует быть поделенным на два лагеря: профилактируемые и профилактирующие.

4. Такой подход приведет к искусственной криминализации общества в несколько раз. Если в 2018 году было зарегистрировано 1991,5 тыс. преступлений, то с принятием закона к двум миллионам преступников прибавятся десятки миллионов семейных нарушителей, виновных всего лишь в совершении психологического или экономического насилия. Их не только надо будет контролировать со стороны сотрудников полиции; их стигматизируют как насильников, обяжут проходить специальные программы «управления гневом», оплачивать эти программы, искать съемное жилье, у них будут изымать детей. У людей не останется времени на работу и воспитание детей. Такая ситуация пагубным образом скажется не только на семейном воспитании будущего поколения, но будет способствовать дестабилизации социальных, экономических, политических и иных процессов в нашем обществе, снижать силу и мощь государства.

5. Необходимо отметить и откровенную бесполезность законопроекта. Направленный на защиту женщин от насилия, на самом деле он имеет существенные погрешности в самой стратегии защиты. Сфера действия закона распространяется только на семейно-бытовые отношения, главным признаком которых является ведение (или ведение ранее) совместного хозяйства. Но наиболее незащищенными являются не семейные женщины, а такие, которые встречаются с мужчинами, но совместного хозяйства с ними не ведут. Таких мужчин они хорошо не знают, мужчины за них ответственность не несут (в отличие от мужей), не берегут их и не заботятся как о супруге или матери своих детей. Поэтому женщина с ними находится в зоне значительно большего риска, чем даже в ситуации уличной насильственной преступности, однако законопроект о семейно-бытовом насилии её от такого насилия не защищает!

Существует еще множество криминальных ситуаций, в которых женщина более уязвима и беззащитна, чем в семье, в которых этот закон женщину защитит не сможет в силу ограниченной сферы правового регулирования исключительно семейно-бытовыми отношениями. Вот и выходит, что в случае реального насилия этот закон бесполезен.

6. Тот факт, что женщина более защищена от преступных посягательств в семье, доказывает официальная статистика МВД России. По данным статистики ГИАЦ МВД России, в нашей стране за 2018 г. официально было зарегистрировано 250 647 преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении потерпевших, из которых в отношении женщин совершено — 107 450, а в отношении несовершеннолетних — 29 046 преступных деяний.

Среди насильственных преступлений в отношении женщин в 2018 г., 24 478 пре-

ступлений было совершено членами их семей (что составляет 22,8%), из них непосредственно со стороны супругов совершено 13 442 преступления (или 12,5%).

Среди 29 046 преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних в 2018 г., членами семьи (в число которых входят любые родственники, а также супруги лиц, не достигших 18 лет) было совершено 5 070 преступных деяний (или 17,5%), среди которых непосредственно родителями — 3 328 преступлений (11,5%).

7. Поскольку несемейное насилие имеет существенно большие масштабы (замечу: более 80% преступлений, как в отношении женщин, так и в отношении несовершеннолетних), необходимо направить усилия государства на борьбу в первую очередь с ним, или (что более логично) с любым насилием, не вычлняя из целого частности.

В первую очередь ввести принудительное лечение от алкоголизма для лиц, совершивших насильственные преступления. Целесообразность этого подтверждается как статистикой, так и опросами экспертов. В России в 2018 г. почти каждое третье (32,3%) расследованное преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения. Опрос участковых уполномоченных полиции показал, что около 80% правонарушений, сопряженных с бытовыми конфликтами, детерминируется алкогольным опьянением или пристрастием к алкоголю или наркотикам.

8. Важно обратить внимание на то, что проблема семейного насилия сегодня раздувается искусственно. В СМИ, социальных сетях, на ток-шоу намеренно раскручивают данную тему, бессовестно заявляя о том, что в России ежегодно 16 млн граждан стновятся жертвами семейного насилия. Эта «игра на эмоциях» приводит к необоснованному нагнетанию страха, созданию панических настроений среди населения. Такое циничное запугивание людей очень похоже на методы экстремистских организаций, которые делают то же самое для достижения политических целей.

Лоббисты законопроекта утверждают, что в России за год мужья убивают 14 тыс. женщин, тогда как в 2018 г. в России было убито 2 608 женщин, из которых в ходе семейно-бытовых конфликтов — 253 (или 9,7% от общего числа убитых женщин). Считаю, что необходимо потребовать от всех, кто озвучивает ложные цифры о преступлениях, предоставить доказательства своих слов. Заявления о таком высоком уровне насилия в нашем обществе, не подтвержденном официальной статистикой, по сути представляют собой обвинение правоохранительных органов в укрывательстве преступлений и государства в отсутствии защиты личности от насилия. По моему мнению, такие действия не допустимы и должны наказываться в соответствии с законом.

Елена Тимошина

НАША ВОЙНА

Применение подхода «женщина — всегда только жертва» и введение таких юридически-размытых понятий, как психологическое насилие, привело к фактической отмене демократического принципа равенства граждан перед законом и презумпции невиновности

Закон о семейно-бытовом насилии сквозь призму немецкого опыта

Германия имеет большой негативный опыт внедрения закона о домашнем насилии, о чем свидетельствуют ведущие немецкие эксперты: юристы, профессора университетов, доктора юридических наук, судьи. Об этом также свидетельствует статистика домашнего насилия. Поэтому очень важно изучить опыт Германии, чтобы не повторить тех же ошибок в России.

Первые изменения законов о насилии в отношениях между мужчиной и женщиной в ФРГ были проведены во второй половине 80-х годов XX века. Существенные изменения в закон о семейно-бытовом насилии были внесены в 1997-м и затем в 2001 году. В 2009 году вступила в силу уже новая версия законодательства. Затем в 2016 и 2017 годах были приняты очередные поправки. В 2017 году Германия также ратифицировала Стамбульскую конвенцию, которая вступила в силу в 2018 году. Итого можно говорить о двух десятилетиях существования закона о семейно-бытовом насилии в Германии.

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении существующего немецкого и предлагаемого российского Закона о семейно-бытовом насилии — это их практически одинаковое содержание: например, введение такого крайне проблематичного с юридической точки зрения понятия, как «психологическое насилие» и отмена презумпции невиновности.

Второе интересное совпадение — это односторонняя эмоциональная кампания в средствах массовой информации (сравнимая с истерией), которая сопровождает введение данного законодательства в Германии и в России.

По мнению Элизы Ховен, профессора немецкого уголовного права из университета Лейпцига, однобокое эмоциональное освещение темы насилия в отношениях между мужчиной и женщиной немецкими средствами массовой информации оказало важнейшее влияние на процесс реформирования уголовно-правовой системы государства.

В одной из своих работ профессор Ховен проанализировала информационную кампанию, сопровождавшую внедрение новых поправок в УК ФРГ в 2016 году касательно насилия между мужчиной и женщиной. Она установила, что за всё время информационной кампании более 72% журналистских публикаций и интервью экспертов в немецких СМИ приводили исключительно аргументацию сторонников изменения закона, при этом только 17% материалов приводили доводы обеих сторон и лишь 11% — позицию оппонентов нового закона.

Немецкий профессор уголовного права приходит к выводу, что в немецких СМИ не только отсутствовала нейтральность в освещении темы бытового насилия, но и использовались различные манипуляции со статистикой, например, постоянная отсылка к множеству якобы «нераскрытых преступлений» насильственного характера в отношении женщин со стороны мужчин.

По мнению профессора Ховен, немецкие СМИ специально избегали подробного юридического разбора предлагаемого закона, чтобы сформировать одностороннее эмоциональное отношение к нему в обществе.

В итоге информационный фон, созданный медиа, оказал давление на законо-

Ламберт Корнелис. Аллегория о Юстиции и ловушках Коррупции. 1590–1630

дателей с целью принятия закона в его самых противоречивых формулировках без серьезного юридического разбора и без учета замечаний оппонентов.

В качестве примера подобного подхода со стороны СМИ можно привести высказывания политиков и представителей НКО, которые были впоследствии растиражированы в СМИ. Так, на первом этапе внедрения законов о семейно-бытовом насилии в Германии в 1999 году тогдашний министр по делам семьи Кристин Бергман заявила о «ежедневном насилии в отношении женщин» в немецких семьях и о том, что «каждая третья женщина в Германии подвергается насилию в семье». Ничего не напоминает?

В конце 2018 года, через 20 лет после того, как начали работать законы о семейно-бытовом насилии, уже новая министр ФРГ по делам семьи Франциска Гиффайн ввела заговорилась о «шокирующей цифре»: «Для многих [немецких] женщин, собственный дом является опасным местом... Каждые три дня [в Германии] от рук своего мужа (партнера) погибает одна женщина».

Для того чтобы понять манипуляции со статистикой в подобных заявлениях, достаточно проанализировать статистику убийств женщин в немецких семьях.

Отметим, что убийство — это самая тяжелая форма насилия. Этот показатель

в статистическом плане наиболее точный (в сравнении, например, с психологическим насилием), так как в случае убийства не существует субъективных интерпретаций в отношении жертвы и акта насилия.

Итак, по данным Федерального ведомства уголовной полиции Германии, в семейных конфликтах в ФРГ в 2017 году была убита 221 женщина (и 99 мужчин), в 2009 году — 213 женщин (и 95 мужчин), в 2000 году — 224 женщины (и 125 мужчин). На протяжении 20 лет существования законов о семейно-бытовом насилии (с 2000 по 2018 год), этот показатель мало отклонялся от среднего значения 208 убийств женщин в семье в год.

То есть за 20 лет своего существования закон о семейно-бытовом насилии не оказал никакого влияния на количество убиваемых женщин в немецких семьях. Уровень насилия остался прежним.

Отметим, что аналогичная ситуация наблюдалась и в других странах Европы, в частности, в Испании, где закон о домашнем насилии был принят в 2003 году. В 1999 году в Испании было 53 убитых женщины, в 2008 — 76 (т.е. рост на 25% через 5 лет после принятия первого закона о домашнем насилии), и в 2018 году — 48 убитых женщин. То есть уровень насилия в семье за 15 лет также не изменился.

Еще одним важным изъяном немецкого закона о домашнем насилии является введение в уголовный кодекс такого поня-

тия, как психологическое насилие. В этот тип преступлений немецкие правоохранители относят «принуждение» (статья 240 УК ФРГ), «угрозы» (статья 241 УК ФРГ) и «преследование» (статья 242 УК ФРГ). Подчеркну, что речь идет о «психологическом насилии» без применения какого-либо физического воздействия.

Опасность правоприменительной практики этого вида насилия заключается в том, что доказать факт насилия объективно практически невозможно, и поэтому в виде доказательства зачастую применяется субъективное ощущение «жертвы».

Так, председатель уголовного отдела Федерального верховного суда Германии Томас Фишер отмечает: «Всё, что в какой-либо мере кажется неприятным в коммуникации между людьми, теперь является насилием. При этом границу между «насилием» и допустимой коммуникацией теперь определяет исключительно «жертва насилия».

Фишер отмечает, что немецкие законы о семейно-бытовом насилии приводят к формированию принципа «женщина — всегда только жертва» и отказу от презумпции невиновности, что является подрывом основ правового демократического государства.

По мнению профессора немецкого уголовного права Элизы Ховен, подобные законы ведут не к решению имеющихся проблем во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, а к «войне полов», при которой мужчина может быть обвинен в насилии практически при любых обстоятельствах.

В свою очередь, Томас Фишер заявляет о серьезной трансформации института семьи в Германии: мужчина из защитника семьи, связанного с женщиной моралью, превращается в некоего компаньона по семейному подряду, не обремененного никакими моральными обязательствами.

Подведем итог.

Во-первых, продвигаемый сегодня в России закон о семейно-бытовом насилии является практически калькой с европейских законов, в частности, с немецкого.

Во-вторых, манипуляции со статистикой и эмоциональная истерика СМИ вокруг темы насилия приводит к давлению на законодателей с целью принятия закона в его самых противоречивых формулировках без серьезного юридического разбора и без учета замечаний оппонентов.

В-третьих, закон о семейно-бытовом насилии в Германии за два десятилетия не привел к снижению уровня насилия в немецких семьях: количество убийств женщин осталось на прежнем уровне.

В-четвертых, применение подхода «женщина — всегда только жертва» и введение таких юридически размытых понятий, как психологическое насилие, привело к фактической отмене демократического принципа равенства граждан перед законом и презумпции невиновности.

В итоге двадцатилетний негативный опыт Германии с законами о семейно-бытовом насилии однозначно свидетельствует о необходимости остановить принятие подобных антидемократических и антисоциальных законов в России.

Максим Жиленков, Тони Зиверт

НАША ВОЙНА

За невятно определенное насилие вводятся суровые санкции (ордера о запрете общения с членами семьи и выселении из жилья), серьезно ограничивающие конституционные права граждан: неприкосновенность частной жизни, собственности, свободу передвижения, воспитания детей

Семейно-бытовое насилие: риски законопроекта и международный опыт

I. Законопроекты о профилактике семейно-бытового насилия в РФ

Суть всех вариантов законопроектов, которые обсуждались и обсуждаются, одна: неопределенное понятие домашнего (семейно-бытового) насилия, включая так называемое психологическое и экономическое, а также ордера о запрете приближения к пострадавшему и о выселении из жилья.

Если исключить из определения насилия по законопроекту о СБН все то, что уже запрещено УК и КоАП, насилием становится «всё, что кому-то не нравится».

Наличие неопределенных норм — основание для признания закона антиконституционным.

При этом за невятно определенное насилие вводятся суровые санкции (ордера о запрете общения с членами семьи и выселении из жилья), серьезно ограничивающие конституционные права граждан — неприкосновенность частной жизни, собственности, свободу передвижения, воспитания детей и др. Причем ордера будут выдаваться без соблюдения каких-либо процессуальных гарантий уголовного права и процесса — сразу по факту обнаружения насилия или даже его «попытки», в том числе по жалобам третьих лиц.

1) С точки зрения практики такой закон — удобнейший и простой механизм завладения чужой собственностью, отобрания детей, почва для коррупции и провокация беспредела.

2) С научной точки зрения происходит появление некоего «параллельного уголовного права» с профилактическими учетами, защитными предписаниями и официальными предупреждениями, но без всех гарантий уголовного процесса.

К базовым принципам уголовного производства относится «равенство перед законом и судом; презумпция невиновности; обеспечение права на защиту; состязательность сторон и свобода в предоставлении суду своих доказательств» и др. Концепция профилактики СБН нарушает все эти принципы, поскольку создан механизм внепроцессуального ограничения прав граждан в обход УПК. Но в правовом государстве применение государством любых карательных мер, как бы они формально ни назывались (в том числе мерами профилактики), должно подчиняться фундаментальным уголовно-правовым и уголовно-процессуальным принципам.

3) Что мы получим с точки зрения реальной «профилактики» насильственной преступности? Только проблемы. Профилактика — это в первую очередь искоренение причин преступного насилия (пьянство, безработица, заполненное развратом и пошлостью информационное пространство, разрушенный образовательно-воспитательный процесс и др.). Поэтому и название закона — ложь.

Ламберт Корнелис. Аллегория Вдовства и Сиротства. 1590–1630

4) С криминологической точки зрения. Профессор-криминолог Д. А. Шестаков пишет: «Для России выдача подобных охранных распоряжений была бы нецелесообразна... Люди, склонные к агрессивному поведению, оказавшиеся без дома, создали бы для общества дополнительную угрозу насильственного посягательства».

II. Западный опыт профилактики домашнего насилия

Катастрофические плоды защиты детей и женщин на Западе вылились в миллионы разрушенных семей. Например, в США, по официальной статистике, изымается в среднем 250–300 тысяч детей ежегодно; за последние 18 лет изъя-

то около 5 миллионов детей. Рассмотрим, что происходит в связи с законами о СБН.

США

В США в 1994 году принят закон, аналогичный критикуемому законопроекту — Violence Against Women Act. На его основании штаты стали принимать свои внутренние законы, разрешающие арест «домашнего правонарушителя».

Это не только не повлияло на процент так называемых «домашних» насильственных преступлений в общей структуре насильственной преступности, но в последнее время показывает обратный результат. В отчете минюста США за 2012 год сообщается, что с 2001 по 2010 год наблюдается общее снижение уровня насильственных преступлений *при сохранении на одном и том же уровне насильственных домашних преступлений*.

По американской практике известно, что судьи выдают защитные предписания при простом намеке на домашние проблемы. Это установка системы. Судьи думают лишь о том, что отказ в выдаче предписания при возникновении последующих домашних проблем приведет к негативной оценке их работы.

Исследования 2008 года (Б.П. Фостер) показывают, что 72% защитных предписаний было выдано без реальных оснований.

Есть много данных о том, что введение закона о семейном насилии усугубляет существующие проблемы:

- после приезда полиции на место далеко не всегда понятно, кто виновник домашнего конфликта, поэтому репрессивные меры применяются в том числе к пострадавшим;
- закон никак не помогает искоренить истинные причины домашнего насилия (отсутствие занятости, экономические проблемы и др.);
- пострадавшие женщины сразу становятся перед угрозой изъятия у них детей.

Профессор права Гудмарк отмечает, что существующий закон абсолютно слеп к желанию женщины остаться вместе со спутником. Не случайно защитные предписания в США называют «разводом де-факто».

Журнал «Тайм» приводит многочисленные критические замечания о законе простых американцев. Вот типичные отзывы: «Все, что сделал этот закон для меня, — это 100%-ное недоверие правительству, это криминал, много невиновных людей преследуются из-за этого дурного закона»; «Приюты от домашнего насилия молятся на Ваше имущество. Имущество, которое включает Ваших детей».

В докладе общественного движения «SAVE», США (2010), сообщается, что американским налогоплательщикам приходится ежегодно платить 20 млрд долларов на поддержку семей с родителем, лишившимся супруга по ложному обвинению в домашнем насилии.

Ежегодно 175 тыс. детей вовлечено в процессы о разводе родителей, запущенные на основании ложных обвинений в насилии.

Многочисленные исследования показывают, что защитные предписания не являются фактором, сдерживающим будущее насилие. «Семейный юридический справочник» (издание Американской ассоциации юристов) также сообщает, что защитное предписание нередко только добавляет правонарушителю ярости.

Мартин Фиберт с факультета психологии Калифорнийского университета сделал обзор результатов 286 исследований

НАША ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 13

в школах, из которого следует, что феминистическая истерия создана искусственно: исследования доказывают одинаковую склонность женской и мужской части общества к силовым действиям.

Что касается системы защиты детей в целом, интересен доклад сенатора штата Джорджия Ненси Шеффер «Коррупционный бизнес службы защиты детей». Среди прочего в нем сообщается, что детозащитная система коррумпирована и несправима, это империя, которая строится на разрушении семей. Для детей эта система — гестапо. Родители в этой системе лишены права на ошибку. Социальные работники подделывают доказательства, ибо им выгодно изымать детей, и они «вне подозрений» системы. В этой системе никто не заинтересован в возвращении детей. Отец по умолчанию рассматривается как криминальный элемент. При этом:

- в fosterных семьях дети погибают в 6 раз чаще, чем в общественных местах;
- до 70% изъятий детей из семей незаконны.

Германия

В ФРГ действует целая система мер по защите от семейного насилия, включая широкие формулировки понятия угрозы. В том числе «Закон о гражданской защите от актов насилия и принуждения», принятый в 2001 году, направленный на борьбу с домашним насилием путем выдачи охранных ордеров.

Он подвергался серьезнейшей критике. В частности, адвокат по семейному праву д-р Д. Клостер-Харц пишет, что этот закон — база для серьезнейших злоупотреблений на практике, правовой инструмент для шантажа женщинами мужчин — «молоток для ведьм», желающих оперативно получить квартиру мужчины в свое личное пользование.

Немецкий криминолог профессор Бок дал крайне негативное заключение на закон и указал, что «закон требует исключительно лишения прав, лишения власти, изоляцию, наказание мужчин».

Выводы, полученные Мартином Фибертом в США, подтверждаются и исследованиями в Германии. Так, еще в 1992 году Институтом криминологических исследований Нижней Саксонии (KFN) проводилось исследование, которое привело к выводу, что жертвами физического насилия были примерно в равной мере мужчины и женщины. (В 1991 году в ФРГ в общей сложности приблизительно 1,59 миллиона женщин в возрасте от 20 до 59 лет были, по крайней мере когда-то, жертвами физического насилия в тесных социальных отношениях. Для мужчин соответствующее число составляет 1,49 миллиона.)

Однако распространение феминистических мифов (в том числе через псевдонаучные работы на так называемые «гендерные» темы) оплачивается миллионными грантами.

Интересно отметить еще одно последствие борьбы с насилием против женщин. Развитие сети «приютов для женщин» в Германии привело к так называемому «женскому туризму», в рамках которого недобросовестные женщины используют широчайшие возможности закона по борьбе с насилием для того, чтобы решить жилищный вопрос, избежать оплаты долгов по квартире, пожить в приличных условиях и др.

Действующая система норм по защите детей от насилия в семье приводит к серьезным проблемам на практике. В Германии после 2010 г. вышло несколько серьезных работ по поводу беспредела детозащитной системы и произвола в судах ФРГ, в т. ч. «Черная книга Югендамта» (2011) д-ра

Леонарда, «Позор Германии. Воровство детей» (2011) Реверанда Морица, книги Карин Йекель (писатель по теме семьи, почетный член общества «Родители Германии»). Все книги вторят друг другу.

Р. Мориц: «В ФРГ действует «мафия, воюющая детей». Югендамт — не причина, а следствие».

В 2014 г. в ФРГ изъято 48 059 детей. В 2017 — 61 400, в 2018 — 52 590 детей. Причина, как правило, «злоупотребления родителями» — понятно, что это весьма широкая формулировка.

При этом фактически по заключению психолога решается вопрос сохранности семьи и наличия в ней насилия и угроз. Р. Мориц — немецкий психолог с 20-летним стажем, который знает «кухню» ювенальной юстиции в деталях, — пишет: «Любой жадный до денег и некомпетентный психолог может дать суду свое определение блага или опасности для ребенка». А суд по ювенальным делам в 100% случаев базируется на заключениях экспертов. Поэтому родителю, как «неспециалисту» в подобных делах, что-то доказать почти невозможно.

Р. Мориц пишет, что «вполне здоровые психически дети закрываются в учреждения психиатрии без каких-либо основательных причин, и им назначается психологическое и психиатрическое наблюдение... Каждое заключение эксперта выходит на то, что детям и родителям необходимо назначить психологическую и психиатрическую терапию».

Швеция

1. Законодательство. Возможность отнимания детей у родителей на широких основаниях дана Законом о специальных положениях по опеке над детьми. С 1988 года действует Закон о запрещении контактов (далее — Закон).

Для противодействия любому насилию, в том числе потенциальным преступлениям в семейной или бытовой сфере, предусмотрена возможность установления судебных запретов на контакты правонарушителя и жертвы.

На практике для выдачи запрета многие прокуроры требуют доказательств совершения преступления или намерения обидчика совершить преступление. Однако это подвергается критике со стороны ГРЕВИО — наблюдательного органа Стамбульской конвенции. ГРЕВИО в своем докладе указывает, что прокуроры Швеции демонстрируют предпочтение применению предварительного заключения, что требует высокого уровня доказательств и риска дальнейшего преступления. ГРЕВИО высказывает недовольство тем обстоятельством, что на практике в Швеции больше работают эти традиционные меры защиты в рамках уголовного судопроизводства, а не простые, не требующие доказательств механизмы запретительных приказов.

В целом детозащитная система Швеции привела к страшным последствиям.

В частности, в 2012 году был опубликован фундаментальный «Доклад о случаях изъятия детей из семей в Швеции и соседних скандинавских странах», подготовленный 32-мя авторами: профессорами права, судебными психологами и бывшими судьями Швеции, Норвегии, Финляндии (далее — Доклад). Доклад направлен в адрес генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда, в Европейский парламент.

В документе социальная система квалифицируется как «индустрия насилия над детьми и разрушения семей», «индустрия похищения и опеки детей». В докладе говорится о повсеместном распространении в скандинавских странах практики изъятия детей из семей.

В 2006 году была учреждена правительственная комиссия по расследованию обращения с находящимися на государ-

ственном попечении детьми в период с 1920-х по 1990-е гг.

Комиссия по расследованию случаев халатного и жестокого обращения заслужила около четырехсот пожелавших дать показания человек. В трех опубликованных отчетах комиссии говорится о том, что находившиеся на попечении государства дети тяжело пострадали от рук персонала детских домов и замещающих родителей. Их изъяти из семей, обстановку в которых власти сочли неблагоприятной, но вместо этого они попали не только в худшую обстановку, но и подвергались жестокому обращению, психологическому, физическому и даже сексуальному насилию. Председатель Комиссии сказал, что он и его следователи были шокированы тем, что они узнали от свидетелей. В официальных докладах Комиссии говорится о необходимости принесения официальных извинений и выплате пострадавшим денежной компенсации.

Таким образом, по факту на уровне правительства Швеции произошло государственное признание того, что закон, направленный на защиту детей и предотвращение «семейного насилия», приводит к еще большему насилию в отношении детей, отобранных у родных родителей.

По результатам Доклада его авторы потребовали от органов власти Швеции пересмотра существующего законодательства.

2. Государственные программы. В Швеции регулярно принимаются государственные программы, направленные на противодействие насилию против женщин.

В частности, с 2006 по 2010 г. действовал Национальный план действий по борьбе с насилием мужчин в отношении женщин, с угнетением во имя чести и насилием в однополых отношениях; Национальный план действий против проституции и торговли людьми; План действий по предотвращению брака молодых людей против их воли. На все эти планы выделяются государственные средства.

В общей сложности, с учетом грантов неправительственным организациям, правительство Швеции выделило на борьбу с насилием против женщин 986 миллионов евро на период 2015–2020 гг., причем эти суммы не включают основное финансирование государственных органов (например, уголовного правосудия, здравоохранения и т. п.).

Несмотря на то, что борьба с насилием против женщин началась в Швеции довольно давно, в частности, с 2006 г. по 2010 г. действовала соответствующая Национальная стратегия, статистика показывает, что указанный период отмечен ростом преступности в «интимных отношениях».

Например, число зарегистрированных преступлений против женщин, связанных с посягательством в контексте интимных отношений, показывает рост. С 2009 г. по 2015 г. в отношении женщин рост, в течение 2015 года — падение числа преступлений, в 2016-м — практически неизменный уровень. В отношении мужчин — в период 2009–2014 гг. идет рост преступлений, в 2014–2015 гг. — падение, в 2016-м — неизменный уровень.

С 2009 г. по 2018 г. число изнасилований выросло в Швеции на 34%. В целом число преступлений сексуального характера с 1975 г. по 2018 г. выросло в Швеции в 7 раз.

1 июля 2014 года Швеция ратифицировала Стамбульскую конвенцию о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, которая считается ключевым международным документом по борьбе с «домашним насилием» и базой для внутригосударственных законов о профилактике домашнего насилия. 1 ноября 2014 года Конвенция вступила в Швеции в силу.

Следствием ратификации Конвенции были многочисленные, критикуемые

в Швеции, изменения законов. В частности, расширение сферы действия приказов о выселении из совместно занимаемого жилья, расширение понятия изнасилования (половой акт, совершаемый без выраженного согласия сторон) и др. Пересмотр законодательства, очевидно, будет проводиться и дальше. Стамбульская конвенция содержит неопределенно широкое понятие насилия.

Во исполнение Конвенции в Швеции принята Национальная стратегия борьбы с насилием мужчин в отношении женщин на 2017–2026 годы (далее — Национальная стратегия).

Такой подход заведомо выделяет мужчин как субъектов, от которых в обществе исходит насилие, хотя для такой антимужской политики нет никаких оснований. В отчете Швеции по реализации Стамбульской конвенции сказано: «В 2014 году Шведский национальный совет по предупреждению преступности представил результаты Национального обследования правонарушений в близких отношениях. ... в 2012 году доля женщин, ставших жертвами близких отношений, была почти равна доле мужчин, ставших жертвами (7,0 процента среди женщин и 6,7 процента среди мужчин, из которых 2,2 процента женщин и 2,0 процента мужчин подверглись физическому насилию)».

Весьма характерно утверждение Швеции в Отчете о реализации Стамбульской конвенции о том, что, по имеющимся данным, «общее воздействие правительственных инициатив на женщин и детей, подвергающихся риску насилия, трудно оценить». Кроме собственно «увеличения осведомленности общества по проблемам насилия в отношении женщин» никаких конкретных результатов установить не удалось.

В результате принятия Конвенции в Швеции расширяются информационно-пропагандистские программы феминистического характера по «борьбе с насилием мужчин против женщин», в том числе в семье.

Согласно п. 1 ст. 12 Стамбульской конвенции «стороны принимают все необходимые меры по внедрению изменений в социальных и культурных моделях поведения женщин и мужчин с целью искоренения предвзятости, обычаев, традиций и любой иной практики, которые основаны на идее неполноценности женщин или стереотипных представлениях о роли женщин и мужчин».

Правительство Швеции поручило Шведскому национальному агентству по образованию внедрить школьные программы по борьбе с традиционными «гендерными» моделями.

В Отчете Швеции по реализации Конвенции прямо указано, что «школа несет ответственность за противодействие традиционным гендерным моделям», и в отношении детей реализуются программы, негативно оценивающие развитие мужественности у мальчиков. Национальная стратегия прямо формулирует, что «содержит... меры по противодействию деструктивной маскулинности и понятиям чести». То есть маскулинность (мужественность) как черта лиц мужского пола расценивается как ключевой фактор насилия против женщин и детей, который надо искоренять.

Таким образом, истинная цель борьбы с насилием против женщин и детей — ликвидация в мужчинах такого качества, как мужественность и стирание половых различий между мужчинами и женщинами.

Анна Швабауэр

НАША ВОЙНА

Получено на данный момент 162 ответа из 53 регионов. Наиболее дисциплинированно ответили региональные органы МВД. Наименьшее число ответов мы получили от общественных палат

Краткий анализ данных из ответов ведомств регионов на вопросы по СБН

Организация «Родительское Всероссийское Сопротивление» в сентябре 2019 года направила письма с информацией и запросами в органы региональной и федеральной законодательной власти России, уполномоченным по правам человека и ребенка, в общественные палаты, областные Думы, губернаторам и в региональные МВД.

Нас интересовала информация, связанная с реальным состоянием профилактики в сфере семейно-бытовых отношений, а также статистические данные по правонарушениям в сфере «домашнего насилия», особенно в отношении женщин.

Получено на данный момент 162 ответа из 53 регионов. Наиболее дисциплинированно ответили региональные органы МВД. В некоторых регионах ограничили качественную картину, отказав в предоставлении статистики, сославшись на служебную тайну. На самом деле такую ссылку можно смело назвать неграмотной: «статистика преступности» специально упомянута в законодательстве как категория сведений, не подлежащих засекречиванию, и к служебной тайне обобщенные данные по региону также не могут относиться.

Наименьшее число ответов мы получили от общественных палат. На волнующую и касающуюся подавляющего большинства граждан проблему откликнулись всего 3 региональных палаты (Ярославская, Кемеровская и Челябинская области), а также ОП РФ, в стенах которой мы сейчас находимся.

Прохладно отнеслись к обращениям и областные Думы. Их ответы ограничивались дежурной фразой «Законопроект о профилактике семейно-бытового насилия в установленном порядке в Думу не поступал, законодательная инициатива по указанному вопросу не вносилась. В этой связи обсуждение в Думе проблематики по обозначенному в Вашем обращении вопросу, в настоящее время полагаем не рациональным».

Уполномоченные по правам (всего пока получено 25 ответов) также единодушно отмечали, что их пока куда не звали давать отзывы и проект закона им никто не показывал, поэтому в данный момент они не могут принять участие в обсуждении значимой для них темы. В то же время некоторые из них проявили свое неравнодушие к теме, а также выразили благодарность РВС за активную позицию.

Довольно конкретными были ответы региональных департаментов социальной защиты населения.

Ответы социальных служб

Те из них, кто ответил, отмечали, что существующая сеть кризисных центров полностью удовлетворяет потребность в предоставлении услуг жертвам семейно-бытового насилия. Очередей нет, некоторые регионы даже закрыли за ненадобностью центры. При этом большинство из них обходится в работе без помощи различных НКО. Но в некоторых регионах в ответах отражена деятельность различных НКО, осваивающих эту сферу услуг, — оказание помощи и сопровождение выявленных жертв насилия (Курганская, Липецкая область и другие).

Так, в Нижегородской области АНО «Центр социальных программ «Жизнь», включенная в реестр поставщиков социальных услуг за период с 2017 по август 2019 года, обслужила 113 человек (женщин и детей от 3 до 7 лет), и на это было выплачено из областного бюджета 3 427 543,11 рубля.

Примером наиболее «прогрессивной» деятельности служит государственный «Кризисный центр помощи женщинам» в Астрахани. Здесь, работая, что называется, на опережение и с опорой на международный опыт, уже применяют программу «Переосмысленная мужественность» для мужчин, проявляющих психофизическое насилие в отношении женщин. Переосмыслили свою мужественность в рамках этой программы уже 14 мужчин в Астраханской области.

Содержание ответов органов МВД

Ответы МВД позволяют судить о ведущейся в регионах профилактической работе, работе по сопровождению случаев правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, в том числе совершенных в отношении женщин и детей. Собранные актуальные официальные данные помогают оценить, что сейчас происходит в России с насилием в сфере семейно-бытовых отношений и с состоянием работы по профилактике преступлений в этой сфере.

Общая оценка дается в письме замначальника ГУООП МВД России от 15.10.2019 г. В нем говорится:

«За последние пять лет отмечается значительное снижение числа фактов домашнего насилия, в том числе в отношении женщин».

Выдержки из ответов УМВД фактически иллюстрируют ответ федерального органа. В каждом из развернутых ответов, которые прислали региональные УМВД России, говорится о снижении количества преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. Все региональные органы УМВД подчеркивают, что у них нет препятствий для исполнения требований законов, в том числе в сфере профилактики и защиты потерпевших.

В некоторых ответах выделяются категории нарушителей — в состоянии опьянения, не работающие, ранее совершавшие правонарушения.

Подчеркивается, что большинство (в Брянской области — две трети) преступлений в отношении детей — это преступления по 157 статье — уклонение алиментов (средств на содержание детей).

Указывается, что появились законные основания для постановки на учет возможных «дебоширов», причем административное наказание за побои сразу является основанием для постановки на учет сроком до 1 года. Учет возможно продлевать в случае последующих обращений.

В ответе УМВД Республики Коми от 23.10.2019 г. особо подчеркнута:

«Частичная декриминализация статьи 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации, в результате которой ответственность за побои была распределена, повлияла на эффективность проводимой профилактической работы. Если до внесения вышеуказанных изменений,

заявления по фактам нанесения побоев в быту направлялись в мировые суды, где в своем большинстве они прекращались по различным основаниям, то с введением административно-наказуемых побоев, лицо их совершившее, при отсутствии признаков повторности, привлекается к мерам административного воздействия. С момента декриминализации статьи 116 УК РФ сотрудниками полиции выявлено и задокументировано более 17 тыс. административных правонарушений по статье 6.1.1 КоАП РФ, привлечено к административной ответственности более 8,9 тыс. граждан».

В Кировской области за период с 2006 по 2018 год произошло снижение количества бытовых убийств и фактов причинения тяжкого вреда здоровью в 4,3 раза. Статистические данные по Кировской области предоставлены отдельно по преступлениям, «совершенным на бытовой почве» и «совершенным в сфере семейно-бытовых отношений». Что подчеркивает необходимость осторожности при непрофессиональной интерпретации статистики. Если по первому из этих разделов в 2017 году зафиксировано 31 убийство, то по второму только 7.

Данные УМВД по Курской области демонстрируют, что учет в МВД ведется с достаточной детализацией, и в числе «бытовых» преступлений можно выделять совершенные в жилище или на улице. В этой области также произошло снижение количества преступлений с 2014 по 2018 год — на 53,7% (с 1449 до 671). Из них снижение преступлений, совершенных на улицах, составило 67,4% (со 175 до 57). Представлены и данные о социальном статусе лиц, совершивших преступления: 70% из них люди, не имеющие постоянного источника дохода, более 16% — наемные рабочие, более 7% — пенсионеры.

Хочу обратить внимание на среднестатистический психологический портрет лица, совершающего «бытовые» преступления, который отмечается в большинстве регионов. Это гражданин, имеющий уголовное прошлое, с низкой социализацией, отсутствием четких жизненных приоритетов и стабильных средств к существованию, склонный к употреблению алкогольных напитков, в результате распития которых зачастую и возникают конфликты.

Ответ из Вологодской области демонстрирует, насколько детально МВД фиксирует и пол потерпевшего, и отношения между преступником и потерпевшим. Там строки по насильственным преступлениям даны отдельно по мужчинам и женщинам и разбиты на графы: супруг, бывший супруг, сожитель, член семьи, родитель, сын или дочь, родственник. Такая фиксация дает возможность говорить и о проблеме, и о методах профилактики насилия с необходимой конкретностью.

В итоге мы видим снижение количества преступлений в сфере семейно-бытовых отношений по всем регионам. Видим, что возможность работать в рамках закона и на основании действующего законодательства у органов МВД есть, в том числе заниматься профилактикой, вести учет и контроль. Но профилактика — это борьба с причинами. Значит, нужно искать причину преступлений. И основная причина лежит на поверхности.

Основная причина — пьянство

Ответы их всех регионов говорят об отсутствии эффективных мер воздействия на лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения.

Дело в том (и это отмечает большинство региональных ведомств), что после упразднения системы вытрезвителей и ЛТП, выведения их как избыточных по нагрузке из системы МВД и передачи обязанности помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения, органам здравоохранения, эффективность работы с данными людьми существенно снизилась. Попробую это объяснить простыми словами.

Полиция не может задержать пьяного, так как ей нужно доказательство, что он пьяный, — медицинское освидетельствование, только после этого можно такого человека доставить в выделенные во всех регионах места в стационарах. Но для этого нужно добровольное согласие на медицинское лечение, сопровождение и т. д. И вот наиболее активные граждане, которые еще бодр и «веселы» или агрессивны, часто не желают «добровольно» вытрезвляться.

Те же, которые уже находятся в состоянии беспамьятства, алкогольной комы, по закону «О полиции» могут быть перенаправлены в стационар для оказания им помощи. И это хорошо. Но опасность для окружающих они уже часто не представляют, тогда как те, кто еще находится в якобы дееспособном состоянии, — являются самым опасным и потенциальным в отношении совершения преступлений контингентом. Их необходимо изолировать до того момента, как они вернутся в адекватное состояние.

Практически все регионы поддерживают инициативу возвращения системы вытрезвителей и ЛТП.

Также предлагаем учесть и распространить действующий уже сейчас, пусть неполноценный, но имеющийся в наличии опыт взаимодействия между полицией и медиками по маршрутизации пьяных, их освидетельствованию, доставке в стационары и сопровождению «естественного» вытрезвления. Это предложение связано с тем, что на федеральном уровне до сих пор не рождено решение проблемы: единый комплексный порядок действий, применяемый к гражданам, находящимся в общественных местах в состоянии алкогольного и другого опьянения.

Оговорка по Фрейду

В заключение краткого анализа хочу обратить внимание на одну из, надеюсь, опечаток, в одном из ответов. Она отражает то отношение к реальной статистике, которое, увы, есть у лоббирующих новый закон о «домашнем» насилии людей.

«Приходится признать, что в последнее время жалоб на насилие в семье стало намного меньше, но все же такие случаи есть».

Итак, статистика говорит о снижении насилия в семье, а уменьшение жалоб — прямое следствие действия системы профилактики. И наша задача — менять ситуацию с «насилием» в семейно-бытовой сфере так, чтобы «выплескивая воду, не выплеснуть ребенка».

Анна Кульчицкая

НАША ВОЙНА

Если этот закон будет принят, это просто убьет семью, а вместе с ней убьет и общество, и государство

Кризис семьи и проблема внутрисемейного насилия

Уважаемые дамы и господа! Я в вашей среде чувствую себя немножко инородным телом. Здесь, главным образом, выступают юристы, люди, которые разбираются в законодательстве. Социология занимается несколько другими проблемами. Юристы занимаются писанными, мы занимаемся неписанными законами, неформальными социальными нормами, которые существуют в обществе и соблюдаются, кстати, не меньше, чем писанные законы. И, в свою очередь, они основаны на существующих в человеческом сознании стереотипах.

Эти стереотипы иногда сохраняются уже с очень старых времен, хотя ситуация уже изменилась, иногда они искусственно насаждаются, часто — средствами массовой информации. Я могу вот такой пример привести. Двадцать с лишним лет назад меня пригласили выступать на телевидении в Останкино. Участвовал я в передаче, инициированной Ассоциацией одиноких отцов, они называли себя «Мапулечки Москвы». Конкретно, это были мужчины, которые боролись за право самим воспитывать своих детей после развода с женами. И вот этой передаче предшествовали... показывали ролики, когда журналисты подходят на улице к людям и спрашивают: «С кем должен остаться ребенок после развода?» Все отвечали: «С матерью», «с матерью», «с матерью». Ни один не сказал, что должен оставаться с отцом. Одна была судья, другая — адвокат. Я сейчас уже не помню, кто из них. Они обе тоже считали, что ребенок должен оставаться с матерью. Но когда их спросили: «Почему?», она ответила: «Ну отец же мачеху ведь приведет, а мачеха будет плохо относиться к ребенку». Вот это стереотип — «злая мачеха». Древний стереотип. Между прочим, само слово «мачеха» всегда понимается в негативном контексте. Это один из очень многих стереотипов, и я думаю, нет среди нас ни одного человека, который бы не разделял какие-нибудь стереотипы.

Почему я об этом заговорил? Вот тут шла речь очень убедительно о том, что закон о профилактике семейно-бытового насилия внешнего происхождения, он продавливается в Россию международными организациями. То государство... любое государство, которое уступает внешнему давлению, которое позволяет другим государствам или международным организациям менять свое законодательство, это государство теряет свой суверенитет, оно, в конце концов, перестает быть государством.

А к чему сводится это предлагаемое изменение в законодательство? К массивному вмешательству во внутрисемейную жизнь. Но семья тоже имеет свой суверенитет, очень им дорожит и, если она его теряет, она перестает быть семьей.

Какие доказательства? Любая супружеская пара, со дня свадьбы, в первую очередь старается отделиться от родителей.

Филипп Галле. Юстиция, из Добродетелей. Ок. 1559–1560 гг.

Потому что родители непременно будут вмешиваться. Из самых благих побуждений. У нас сейчас в самых разных регионах России есть программы по семейной политике, и всюду основная часть этой программы — жилищная: помощь молодым семьям в решении жилищного вопроса, то есть отделения от родителей, в получении собственного жилья. А это все совсем не зря. Без этого семья не совсем семья. Потому что муж с женой поругались, они помирились. А поругался зять с тещей или невестка со свекровью — тут примирение гораздо менее вероятно. Это внешняя по отношению к семье сила. Которая, кстати, вмешивается — то из самых лучших побуждений, но часто с нехорошими последствиями, потому что не надо быть социологом, чтобы знать, как много семей распадается из-за вмешательства родителей.

Так вот, если произойдет такое массивное вмешательство во внутрисемейные дела, если этот закон будет принят, то это очень усугубит кризис семьи, который у нас и без того чрезвычайно острый, у нас и так больше половины браков заканчивается разводами, у нас и так очень низкая рождаемость, у нас естественная убыль населения.

Но я хотел бы обратить внимание на то, что эти передовые западные страны, ко-

торые давно уже подобные законы приняли, у них кризис семьи зашел гораздо дальше. У них половина населения к 50 годам по всей Европе ни разу не вступает в брак. Ни мужчины, ни женщины. И почти половина детей рождаются вне брака. Снижение рождаемости в этих странах уже происходит не только за счет уменьшения числа вторых, третьих и последующих рождений, но и за счет рождения первенца. То есть конкретно растет число бездетных.

Вот приводили примеры, как действуют законы в Германии. В Германии среди женщин, которые родились в конце 1960-х годов и которым сейчас уже 50 лет исполнилось (они вышли из репродуктивного возраста), 23% ни разу не рожали — каждая четвертая бездетна. У нас в России — 8%, в три раза меньше. В других европейских странах и Соединенных Штатах положение мало отличается от немецкого. И всюду этих самых чайлд-фри — добровольно бездетных — гораздо больше, чем вынужденно бездетных, которые не могут иметь детей из-за бесплодия. А чем объясняется феномен чайлд-фри? Он много чем объясняется, но одно из этих объяснений, с которым мне трудно спорить, заключается в том, что супружеская пара просто боится производить на свет ребенка. Который буквально через несколько лет, как

только он пойдет в школу, а там с шести лет идут, ему первое, что там объясняют, — куда надо жаловаться на родителей, когда они тебя обижают. Кому надо звонить. В результате вмешается ювенальная юстиция, ребенка могут изъять из семьи. И некоторые люди, которых довольно много, решают эту проблему так: а давайте не будем заводить детей! И вот тут — то, что говорила госпожа Мамиконян, ссылаясь на мужские реакции на вот эту вот атаку в интернете на мужчин: «Если вы так, то мы не будем жениться, не будем жить даже этим так называемым гражданским браком вместе, а будем просто так поддерживать какие-то необременительные отношения, которые под закон о семейном насилии не подпадают».

Поэтому если этот закон будет принят, это просто убьет семью, а вместе с ней убьет и общество, и государство. Человек смертен, общество — бессмертно, пока на смену умершим приходят родившиеся. А это обеспечивает семья. А если семья будет разрушена, то такой смены не будет. Извините, если я злоупотребил вашим временем.

Александр Синельников